

Сергей Сюренин

ФАНТАСТИКА

Чарка

Чарка

Ночью опять шевелилась и стонала земля. Угрожающе дыбился пол, сбивая с ног мечущихся в темноте людей. Трескались и шелестели осыпающейся штукатуркой ставшие вдруг чужими и враждебными стены родного Дома. Сыпались с потолка струйки песка, засыпая волосы, набиваясь за шиворот, попадая в глаза и ослепляя и без того обезумевших от страха обитателей, рвущихся в поисках спасения к выходу.

Лэн успел выскочить одним из первых. Убегая от опасности, он услышал, как тяжело вздохнула земля. Сильный удар сбил с ног. Покорившись судьбе, лежал он в полузабытьи среди обломков, тупо воспринимая доносившиеся звуки.

Вокруг стоял грохот. Рушились старые, обветшалые, но еще чудом сохранившиеся здания, гулко ухая о растрескавшийся асфальт. Скрипела оголявшаяся и вырывающаяся из бетона арматура. Дико вопили невидимые в темноте люди. И натужено качала земля...

Когда Лэн очнулся, предрассветная дымка уже разогнала темноту. Блеклые лучи солнца едва пробивались сквозь еще не осевшую пыль. Серыми тенями смутно вздымались пережившие ночь здания, на месте других громоздились груды развалин. В серых развалинах серыми тенями плавали силуэты людей.

Высвободившись из-под засыпавшего его щебня, Лэн с трудом поднялся на дрожащие, неверные, но целые ноги. Ему повезло. Замешкайся он на мгновение, и вся масса щебня, застывшая валом в полутора метрах, обрушилась бы на него и похоронила заживо. Как того, чья рука со скрюченными пальцами высовывалась из-под бетонного обломка. Лэн подковылял к ней и хотел было потянуть, но скованность и неестественная холодность ее подсказали, что в этом уже нет необходимости. Рука казалась знакомой. Рваный шрам повыше запястья; исковерканный и неправильно сросшийся большой палец.

— Дядя Сэд, — прошептал Лэн, — вот где нашел ты свой конец.

Дядя Сэд мечтал вовсе не о такой смерти. Он часто говорил, что умрет на пороге дома или в поле с оружием в руках. Судьба уготовила другое — быть бесславно раздавленным обломком стены. Впрочем, если бы не ночь и ужас, овладевший людьми, его можно было бы спасти. Судя по обломанным ногтям и запекшейся на них кровью, он еще какое-то время был жив и даже пытался выцарапаться сам. Если бы не ночь... Лэн погладил землистую руку. Подумав, вынул свой нож и вложил в мертвые скрюченные пальцы.

На месте Дома образовался глубокий провал. Стены не выдержали дыхания земли. Подвал некогда высокого, но вконец разрушившегося здания, обвалился, завалив тех, кто не успел выскочить. Среди развалин с тупыми лицами бродили братья, сестры, тетки и дядьки — немногие оставшиеся в живых из многочисленной Семьи Воклотов. Они уныло и безучастно рылись в развалинах в поисках уцелевшего скарба. Среди живых был и сам Воклот — глава Семьи и отец Лэна. Здоровый, без единой царапины, он стоял на возвышении и свирепо покрикивал на сородичей. Увидев Лэна, Воклот набросился на него:

— Прохлаждаешься!? Вниз! Быстро!

У меня рука не шевелится, - Лэн качнул висящей плетью рукой.

— Какая рука? А ну, работай! — и Воклот с размаху вlepил сыну затрещину. Не удержавшись, Лэн покотился вниз, больно ударяясь об острые выступы.

— Ружье ищите, — орал сверху Воклот, — ружье!

Разгрести многотонную массу щебня, кирпича и кусков бетона, беспорядочно оплетенных арматурой, было непросто. Ближе к полудню все окончательно выдохлись, но ружье так и не отыскалось. Взбешенный Воклот раздавал тумаки направо и налево, но толку от этого было мало. Ружье засыпало надежно. Отыскавшиеся вещи свалили в одну кучу. Извлеченные из-под развалин трупы свалили в яму и засыпали. Общей численности Семьи не знал никто, даже сам Воклот. Потери можно было определить только приблизительно. Под обломками погибло примерно человек двадцать, в основном старики, женщины и дети. Семья Воклотов уменьшилась наполовину. Все были голодные, измученные и злые. Воклоту то и дело приходилось пускать в ход кулаки, чтобы утихомирить сцепляющихся между собой мужчин. Те уже принялись делить между собой уцелевших женщин, значительно уменьшившихся в количестве.

— Распределять баб буду я, — рычал Воклот, усмиряя кулаками самых строптивых сыновей и братьев. — Сейчас есть дела поважнее. Как бы Рэкеты не нагрянули. А у нас кроме ножей да пары сломанных арбалетов ничего не осталось.

Оружие было необходимо. С одними ножами не устоять ни против кого. Соседи заняты пока своими бедами. Но, оправившись и видя безоружных Воклотов, нападут обязательно. Отберут весь спасенный скарб и женщин. Да и самих Воклотов не пощадят. Всех перебьют. И заберут поля и пастбища Воклотов, стада. Таковы законы здешних мест. Воклоты сами неоднократно поступали так же с другими семьями, почуяв их слабину. Так же поступят и с ними. Больная собака не охотник, а жертва. Воклот сам сейчас походил на больного пса. Оружие, которым он держал в повиновении Семью, которым угрожал не в меру ретивым сородичам, пытавшимся посягать на его власть, благодаря которому, наконец, его боялись не только члены Семьи, но и соседи, — так и не нашлось. И сейчас впервые за многие годы он чувствовал себя беззащитным перед этой сворой варваров. Хоть и связанные между собой священными узами родства, они постараются воткнуть ему при первой возможности нож в спину. Шон и Кри, младшие братья, уже искоса угрюмо поглядывают в его сторону. И Воклот не замечает страха и почтения в их глазах. Он понимал, что единственный, кто на его стороне, — это время. Сейчас главное — не дать людям послабления, не дать времени на раздумье и переоценку произошедших событий. А через день-другой они привыкнут и примут все таким же неизменным, как было раньше.

Шона и Кри, чтобы убрать их подальше от соблазна, он послал во главе групп проверить стадо и нарубить веток для дубинок и луков. Остальных оставил при себе. Нужно продолжить поиски ружья и готовить копья. Исходный материал — арматура, высвободившаяся из бетона, — торчала повсюду. Из нее можно изготовить не только копья, но и мечи. Еще двоих Воклот отправил на поиски нового жилья. Старый Дом завалился полностью. Восстанавливать его не имело смысла. Чего-чего, а подвалов в Городе хватало.

Лэн попал в команду Кри, направленную на заготовку дерева. Их группа из пяти человек шла по холмистой местности, держа курс на Каньон. Окрестности представляли собой унылое зрелище. Серые холмы от края до края. Вездесущий бетон и битый кирпич в бахrome нетленного пластика. Серо-желтая трава, пробивающаяся чахлыми низкорослыми кустиками между ними. Единственное, что разнообразило места, — это черные, сизые, ядовито-зеленые и ржаво-красные проплешины, кляксами разбросанные по поверхности. Откуда они появились, из чего состояли, — этого не знал никто. Было известно только, что места эти опасные, гиблые. Не один смельчак, погнушавшийся мерами предосторожности,

поплатился за свою смелость жизнью. Лэн видел однажды, как сизая плешь в два счета засосала попавшую в нее собаку, удиравшую от кошачьей стаи. Другие насылали болезни, от которых человек в одночасье покрывался струпьями. У него выпадали ногти, волосы, зубы. Сам он ссыхался и угасал за несколько дней. А были и такие, вдохнув зловонные испарения которых, все живое падало замертво. Или сходило с ума и убивало все, что движется. Но самыми опасными были черные плещи. Что бы в них не попадало, исчезало бесследно. Даже несокрушимый ни солнцем, ни временем пластик. Они предпочитали асфальтовые поверхности, которых в Городе было предостаточно, и к тому же не сидели на одном месте, а постоянно передвигались с места на место по всему Городу. Обнаружить такую плешь, покрытую сверху пылью и почти незаметную, было трудно. Потому горожане предпочитали пробираться по не очень удобным, но безопасным завалам. Там, где проползала черная плешь, оставались только песок и гравий. Все остальное исчезало. Это позволяло надеяться, что со временем плешь съест весь асфальт и уберется восвосяи. Тогда можно будет спокойно ходить по Городу.

Вот и сейчас Кри осторожно вел вытянувшуюся за ним цепочкой группу, прощупывая длинным слэгом подозрительные места и издали обходя плещи. Лэн, прижав больную руку к груди и скрипя зубами от пульсирующей в такт шагам боли, замыкал цепочку.

Каньон представлял собой широкий и глубокий провал в земной коре, извилистой линией приходящей откуда-то издалека и тонущий в Океане в миле от того места, где стоял Кри со своей группой. Крутые обрывистые некогда стены его сгладились, и теперь Каньон более смахивал на пологую долину, заросшую внизу густым сизым Лесом. Откуда приходил он, где его начало, — этого не знал никто. Возможно, знали Великие Предки, но знания — неиспользуемые, ненужные, мертвые — давно затерялись. В глубине души Лэн сожалел об этом. Что-то, гнездившееся глубоко внутри, иногда толкало его неизвестно куда и томило душу непонятной тоской. Убогая жизнь, ограниченная узким мирком владений Семьи Воклотов — Домом, полями и пастбищами. Изнурительная работа целыми днями с единственной целью — поесть сегодня и не умереть с голоду завтра. Кровавые стычки с соседями и пришлыми, посягнувшими на их владения. Все это отупляло, но так и не выбило у него тягу к неизведанному миру, лежащему за владениями Воклотов. Миру таинственному и загадочному. Раньше дядя Сэд как-то уголял этот душевный голод. Рассказывал мифы и легенды о прошлом. О людях, живших здесь давным-давно. О циклопических постройках, в развалинах которых теперь жили Воклоты. О тележках, движущихся сами собой. О вообще непостижимых для разума летающих штуковинах. Дядя Сэд и сам-то всего не понимал в этих легендах и в ответ на вопросы Лэна лишь пожимал плечами да объяснял людским вымыслом. Попробуй-ка проедь, к примеру, на такой тележке по городскому бурелому или хотя бы за Городом. Моментом угодишь в плешь. Или летать... Если бы такое было возможно, то обязательно нашлась бы какая-нибудь тварь, умеющая зависать в воздухе. Летающая собака, кошка или, на худой конец, крыса. А раз в воздухе никого и ничего нет, то летающие штуковины — обычная сказка наподобие «доброего солнца».

Но теперь дяди Сэда нет, и никто уже не сможет ответить Лэну, утолить томление его души. А томление осталось, и сейчас, при виде каких-то полуразрушенных построек, виднеющихся в сизой дымке на другой стороне Каньона, нахлынуло на него с новой силой.

— Дядя Кри, — не удержался он, — что это там, за Каньоном?

— Отстань, сопляк! — рявкнул в ответ Кри, всматривающийся вниз, в Каньон.

— Я не сопляк! — кровь ударила в голову не ожидавшего такого ответа Лэну. — Козел

плешивый!

От со свистом рассекшего воздух слэга он увернулся, но от следующего удара в грудь покатился по земле. Вскочив, он отбежал на безопасное расстояние.

— Ну, — зло прорычал Кри, — еще вопросы будут?

Лэн молчал, ненавидяще следя за Кри. Глупо дерзить, когда безоружен, да к тому же имеешь только одну здоровую руку. А уж глупее некуда обозвать плешивым козлом Кри. Тот и в самом деле походил на такого. Драная, в лохмотьях одежда, кустистые пучки волос на лысом костистом черепе, редкая козлиная борода. Все за глаза так и называли его. Лэн, ляпнув его прозвище, угодил тому в самое больное место. Кри, стоявший по рангу, а значит и по силе, после самого Воклота, был опасным противником. Никто, даже Шон не осмеливался становиться у того на пути. И шансы у Лэна остаться в живых, пусть даже с переломанными ребрами, значительно уменьшились.

Но Кри отвернулся и снова уставился на Каньон. Что-то более серьезное привлекло его внимание. Лэн облегченно вздохнул. Опасность пока миновала. Он провел рукой по потемневшей поле плаща. Острый конец слэга оставил после себя рваную борозду. Рана была неглубокой и опасности не представляла. Хотя и сильно кровоточила. Лэн обошелся тем, что прижал плотнее руку к боку, чтобы остановить кровь, и пустился следом за группой. Те уже скрылись за грядой.

Каньон был единственным местом, где рос Лес. В самом Городе и прилегающих окрестностях ничего подобного не было. Густые заросли кряжистых, перекрученных стволов с зеленовато-фиолетовой листвой расползлись по дну и склонам долины. Сам он и населяющая его живность жили какой-то своей загадочной и неведомой жизнью, вселяющей в чуждых этому миру людей почтительное благоговение. И хотя люди пришли и по-хозяйски разделили Лес на участки, вламываться в его жизнь и нарушать ее своими законами остерегались. Лес давал им огонь и оружие. Не считаться с этим было нельзя. Поэтому ограничивались тем, что выбирали по необходимости старые и погибшие деревья. Лишь иногда с большими предосторожностями срубали тонкие, но крепкие стволы и ветки, годившиеся для луков и копий. Лес стоял здесь издавна, возможно, с самого Начала и, казалось, был незыблем во все времена, как прошедшие, так и будущие. Рождались, жили и умирали люди, поколение за поколением, а Лес стоял. Если бы он мог говорить, то, как казалось Лэну, рассказал бы много интересного из той жизни, прожитой им от Начала до Конца. И после Конца. Жизни, утраченной людьми навсегда.

Перевалив через гряду, Лэн замер. Стала понятна растерянность Кри. Каньон изменился. Склоны остались такими же, но... Внизу, где должен был быть Лес, стояла вода. Обычно в самой низине Каньона журчала мелкая речушка, набухавшая по весне и заливавшая Лес. Но сейчас же не весна! Вода уже давным-давно спала. Или опять наперекор стихии вернулась весна? Ничем другим объяснить ту зеркальную гладь, скрывающую под собой дно долины и уходящую к Океану. Редкие купы деревьев высывались кое-где из воды, а дальше к Океану исчезали совсем. Лэн догнал своих, медленно спускавшихся по склону и растерянно озиравшихся.

— Давно такого разлива не было.

Такого вообще никогда не было, - угрюмо отозвался Кри. - Здесь что-то другое.

— Наверно, кто-то перегородил речку, — предположил Рэф, юнец одного с Лэном возраста с постоянно слезящимися глазами.

— Вот мы доберемся до него и покажем, как пакостить на чужих землях. Пошли к

Океану, — решил Кри.

— А если это чарки? — встревожился Рэф.

Все испуганно шарахнулись от берега.

— Тьфу, дьявол! — опомнился Кри. — Придумает же — чарки. Да они никогда в реку не забираются. На кой она им, когда у них весь Океан?

— Чтобы к нам подобраться. К Океану-то мы не ходим. — Хм. Тоже верно. — Кри помолчал. — На всякий случай быть начеку!

В руке у каждого появился нож — у кого короткий, у кого подлиннее, а у кого настоящий тесак или меч.

— А тебе что, надо еще раз сказать!? — колючие глаза ели Лэна.

— У меня нет ножа, — Лэну не хотелось объяснять, где он оставил нож, — все равно никто бы не понял, — потерял при обвале.

— Ну и черт с тобой! — сплюнул Кри. — Потянут чарки в воду, — на нас не надейся. Понял?

По мере продвижения к Океану водное пространство, захватившее Каньон, увеличивалось, пока не превратилось в сплошную воду, уходящую за горизонт.

— Океан! — шептали люди, невольно пятясь назад. — Океан прорвался!

Океан, величавый и грозный, живущий своей таинственной жизнью, — то тихий и мирный, то свирепо бросающий громадные валы на берег и разбивающий скалы, — внушал неподдельный ужас обитателем Города своей неуправляемой, неподвластной человеку стихией. Тот, кто пытался подружиться с ним, пропал бесследно. Говорили, что таких, а также других, неосторожно приблизившихся слишком близко к Океану, утаскивали его обитатели — чарки. Живую чарку не видел никто, и Лэн недоверчиво относился к этим рассказам.

Потоптавшись в нерешительности на берегу Океана, группа двинулась назад.

— Это все чарки! — не унимался Рэф, торжествуя от правильности своей догадки. — К нам подбираются. Скоро к самому Городу подступят. Тогда всем будет конец.

— Заткнись! — не выдержал Кри. — Воешь, как бешеный пес. Еще накличешь беду.

— Вой не вой, а от беды не уйти, — изрек молчавший до сих пор одноглазый Риг, старый вояка. — Океан захватил наш Лес. Пропадем теперь без него.

— У соседей разживемся, — отмахнулся Кри.

— Без драки не обойтись.

— Ясное дело! Мы что, не воины?

Воклоты миновали затопленный участок и теперь пробирались, утопая по колена в грязи и иле, через месиво корней, веток, стволов деревьев и кустов, вырванных и сваленных в кучу прошедшей здесь волной. Зрелище было жутковатое. Над головой переплетались ветки и корни со свешивающейся с них бахромой тины. Все окрашено в серый безжизненный цвет. Ни звука, ни шороха ветерка. Мертвый Лес. Царство смерти. Невольно в души закрался страх. Воклоты, сбившись теснее, заторопились из мертвого Леса.

Одолев особенно густой вал из деревьев, они оказались на нетронутой Океаном земле. Переход был резким. Позади — гора серых безжизненных деревьев. Впереди — живой Лес с тянущимися к небу стволами. Сизые листья, зеленая трава. Воклоты облегченно вздохнули, миновав жуткое место, но тут Кри издал предостерегающий крик. Группа замерла, вглядываясь в лесную чашу.

— Хэнсомы! — прошипел с досадой Кри. — Уже успели. Но ничего. Это всего лишь

сторож. Мы с ним быстро управимся. Риг, — приказал он, — зайдешь с тыла.

Риг отстал и затерялся в зарослях.

Воклоты, сохраняя спокойствие, медленно двигались по чужой территории. Ничто, если не считать одинокой фигуры, скрываемой наполовину кустарником, не предвещало опасности. Но едва они приблизились, фигура отделилась от кустов и выступила навстречу.

— Стой! — последовал окрик.

Кри, не обращая внимания, продолжал путь. Воклоты, замешкавшись было, последовали за ним.

— Стой! — повторил человек, нацелив на них арбалет, — иначе буду стрелять.

— Это ты, Род? — миролюбиво произнес Кри, останавливаясь. — Не балуй, опусти игрушку.

— Что надо? — угрюмо отозвался сторож, не опуская арбалета.

— Ты не узнаешь меня, Род? Это я, Кри Воклот. Сосед.

— Вижу, — Род не спускал с Воклотов настороженного взгляда, — но это ничего не значит. Еще шаг, — и я стреляю.

— Род, дружище, что ты такой неласковый? — Кри тянул время, чтобы дать Ригу возможность подобраться поближе. — С похмелья что ли?

— Это вы, похоже, с похмелья. Зашли на чужую территорию.

— А-а, это, — Кри незаметно сокращал расстояние между ними, сожалея, что в руках кроме слэга ничего нет. — Это мы так, мимоходом. Поинтересоваться, что уцелело.

— Поинтересовались, а теперь топайте назад.

— Погоди, не гони, — Кри усиленно вслушивался в шум Леса. — Как тут у вас? Много затопило? Наш участок полностью под водой.

— Ваш — да, — усмехнулся Род, — а наш наполовину. Так что теперь дрова вы будете выпрашивать у нас.

— Это мы еще посмотрим! — вспыхнул Кри.

— Но-но, — насторожился Род, — не дергайся. У меня палец так и тянется спустить тетиву.

За спиной Рода послышалась возня, и до Воклотов донесся приглушенный вскрик. Род не шелохнулся.

— Зря ты послал его, — качнул он головой.

— Риг! — Кри в ярости замахнулся слэгом. Род негромко свистнул. Кусты вокруг Воклотов зашевелились. Из них выступили безмолвные фигуры — человек двадцать. Все были вооружены, — кто арбалетом, кто копьем, кто мечом.

Воклоты, выставив ножи, попятились. Противостоять более многочисленному и хорошо вооруженному противнику они были не в состоянии. Но и сдаваться тоже не привыкли. Сбившись в тесный кулак, оцетинившись ножами, стояли они молча в кольце врагов, собираясь дорого продать свои жизни. Так же молча и грозно застыло вокруг них кольцо противников с нацеленными копьями и арбалетами. Еще мгновение — копья и стрелы вонзятся в незащищенные тела.

Род опустил арбалет.

— Проваливайте! — процедил он. — Неохота с безоружными связываться. В следующий раз не зарывайтесь. Ты понял, Кри?

— Понял, — бессильная злоба душила Кри. — Мы еще встретимся!

— Встретимся, встретимся, — рассмеялся Род, — и очень скоро. Приходите. Нам

работники нужны.

— Что!? — яростно подскочил к нему Кри, вынудив Хэнсомов снова поднять оружие. — Раньше ты ко мне придешь. Нет, не придешь. На коленях приползешь, крыса вонючая!

Глаза Рода сузились, но он сдержался.

— Тогда не трясись бородой, как козел после случки, а спеши домой. А там поглядим, кто к кому приползет.

— Что случилось? — снизил тон Кри, проглотив оскорбление.

Род молчал. Не дождавшись ответа, Кри подал знак. Воклоты, продолжая сжимать в руках ножи и настороженно оглядываясь, стали отступать.

— Эй, Кри! — крикнул вдогонку Род, — ты одного забыл. — И из кустов вылетело и глухо ударилось о землю тело. Это был Риг. Багровая полоса пересекала шею, голова неестественно вывернута.

Кри зло сплюнул и заорал на своих. — Быстрее! — и огрел кого-то слэгом, вымещая бессильную злобу.

Оказавшись на своей территории, Кри остановил группу.

— Ты! — взгляд его остановился на Лэне, — и ты, Рэф, остаетесь. Прочешете весь бурелом, но без деревьев не возвращайтесь.

— Нож... — заикнулся было Лэн, но Кри оборвал его.

— Обойдетесь одним. Свои нам могут понадобиться. — Ты — со мной! — приказал он оставшемуся, и они полезли по склону.

Рэф и Лэн следили за ними до тех пор, пока те не перевалили через гряду и скрылись из глаз. Оставшись вдвоем, они молча двинулись к илистой болотине, в которую превратился Лес. По пояс проваливаясь в жидкое месиво, барахтаясь в отвратительной жиже, они терпеливо копались в грязи, выскивая и отрубая подходящие ветки. Улов, к сожалению, был плохой. Прошедшая волна не только повалила и вырвала с корнями деревья, но и основательно пообломала все, что могло ломаться. Да к тому же прикрыла все слоем грязи, отыскать в которой что-либо было непросто. Не раз Лэну, запутавшемуся ногами в скрытом под водой сплетении ветвей, казалось, что морское чудище, цепко схватившее их, уже не отпустит. И тогда он мысленно прощался с жизнью. В довершение всего досаждали мелкие многоногие существа, легко расхаживающие по поверхности на своих суставчатых ногах. Лэну еще не приходилось встречаться с такими. Возможно, это были обитатели Океана, если не сами чарки или их дети. От таких мыслей становилось неуютно. Существа держались на приличном расстоянии, резво передвигаясь бочком, но бывали моменты, когда такой зверь, зарывшийся в тину, вдруг выскакивал из-под самых ног. Холод страха пронзал тогда Лэна сверху донизу.

Вконец измученные, они выволокли на берег десятка два покореженных ветвей.

— Так дело не пойдет, — Рэф сплюнул на землю и вытер грязной рукой рот. — Ковыряемся как крысы на помойке, а толку нет.

— Ничего не остается, как ковыряться, — отозвался Лэн. — К Хэнсомам не пойдешь же? Прикончат.

— Нет, не к Хэнсомам, — Рэф задумчиво уставился вдаль. — Вон туда бы добраться.

Лэн проследил за его взглядом и побледнел.

— Ты что, к чаркам захотел?

Посреди водной поверхности выступал чудом уцелевший островок Леса. Буря его тоже

изрядно потрепала, но деревья устояли перед ее натиском и теперь тянули к небу свои обломанные, лишенные листвы ветви. От берега до островка было метров двадцать, но метры эти были непреодолимы. Между ними была Вода. А где Вода — там чарки. А с чарками неразделима смерть. Это еще с пеленок впитывал в себя человек. Рэф предлагал безумную затею, и он это знал.

— Это не я захотел, — ухмыльнулся он. — Это ты пойдешь.

— Что? — вскочил Лэн.

— Ты сейчас пойдешь туда и нарубишь веток, — произнес Рэф.

— Сам иди. Мне еще пока жить хочется.

— Мне тоже. Но мне с Кри делить нечего. Тебе же, если появишься с пустыми руками, он кишки выпустит. Так что тебе терять нечего. Здесь или там — все равно загнешься. А так, глядишь, повезет.

— Нет! — судорожно вздохнул Лэн. — Лучше сдохнуть на суше, чем пойти на корм чаркам.

Тогда подыхай! - в руке Рэфа сверкнул клинок.

Лэн был начеку. Отскочив к куче валежника, он выхватил из нее первую попавшуюся дубинку. Нож отлетел в сторону. Рэф, взыв от боли, схватился за руку. Дубинка со свистом рассекала воздух, заставляя Рэфа отступать. Он прыгал из стороны в сторону, увертываясь от нападающего Лэна, но дотянуться до ножа не мог. И тогда он прибег к хитрости.

— Чарка! — заорал он, указывая за спину Лэна. Лэн испуганно обернулся. В следующий миг Рэф уже мчался к валежнику.

Теперь успех поединка склонился на сторону Рэфа. Озверелый противник был вдвое сильнее. Сбив Лэна на землю, он навалился сверху. Хрипя и задыхаясь, Лэн извивался в попытках освободиться от пережавшей горло дубинки. Но в глазах поплыли разноцветные круги, в голове завертелось, расплылось, и подступило безволие...

Когда он очнулся, Рэф сидел невдалеке, остругивая ножом дубинку.

— Очухался, — миролюбиво произнес он.

Сознание возвращалось медленно. Рушащийся Дом... Рука дяди Сэда, торчащая из камней... Кри... Хэнсомы... Драка с Рэфом...

Лэн вскочил на ноги. Рэф подтянулся, настороженно следя за ним.

— Не балуй! — с угрозой произнес он. — Во второй раз не пожалею.

Лэн стоял, пошатываясь. В глазах еще качалось и плыло.

— На, — нож воткнулся в землю у ног, — и иди. Только не делай резких движений. Иначе... — Рэф тряхнул дубинкой.

Это был конец. Лэн понимал безысходность своего положения. Он подобрал нож и, тяжело переставляя одеревеневшие ноги, направился к воде, чувствуя спиной сверлящий взгляд Рэфа.

Холодная вода вернула ясность мыслям. Рэф... Чарки... Но он уже стоит в воде, и ничего с ним не случилось. Вздохнув, он осторожно направился к островку, с трудом вытягивая ноги из вязкого ила, и на каждом шагу ожидая, что вот сейчас разверстнется мутная бездна, и оттуда появится морское чудище.

Добравшись до островка, Лэн вскарабкался на дерево и оглянулся. Он дошел до деревьев! Дошел! И остался жив. И тогда Лэна затрясло. Дошел, дошел, — билась в голове одна мысль. Он еще крепче обхватывал ствол дерева, боясь сорваться от сотрясавшей тело дрожи.

Успокоившись, Лэн занялся делом. Перебираясь с дерева на дерево, он выискивал подходящие ветки и срезал их. При этом старался держаться подальше от страшной бездны. Резать тугую древесину было утомительно. Полностью уйдя в работу, он не обращал внимания на еле доносившиеся крики Рэфа. Когда же, выбравшись на окраину островка, обернулся на берег, то окаменел.

Рэф, захватив ворох заготовленной древесины, поднимался по склону.

— Рэ-э-ф! — дико заорал Лэн. — Ты куда?

Рэф обернулся и крикнул в ответ.

— Вечер... Темно... Собаки... — донеслось до Лэна. — Завтра...

В ответном вопле Лэна было мало человеческого. Рэф ушел! Оставил его одного! Бросил! Лэн в бешенстве метался по деревьям, словно по клетке, не решаясь броситься в воду. Рэф, пес паршивый! Так предательски поступить — загнать его на островок и бросить. Так Воклоты не поступают! Это не Воклот, это падаль, отброс, отрыжка нашего семейства!

Бормоча и плача, бессвязно выкрикивая ругательства, Лэн с ужасом и тоской смотрел на опустевший берег, такой близкий и такой далекий. Прощался с ним. Прощался со всем растущим, живущим и умирающим там, на твердой надежной суше. Прощался с солнцем и небом, которые ему уже не суждено увидеть завтра. Оставшись один, он ни за какие блага не осмелится ступить в воду. А впереди ночь!

Солнце уже скрылось за грядой. На склоны серыми тенями напоздали сумерки. С одной стороны, Рэф правильно сделал, что ушел домой. Идти по пустоши ночью равносильно самоубийству. Или угодишь в темноте в плешь, или же настигнет стая кошек или собак, выходящих по ночам на охоту, и растерзает в клочья. Но с другой стороны, у Лэна не укладывалось в голове, что можно вот так запросто бросить товарища в беде и спокойно уйти. А Лэн был в беде. Большой беде. Одиночество, страшная Вода, надвигающаяся ночь, — вряд ли он сможет преодолеть все это в одиночку и дотянуть до утра. Безнадега! Уверенность в том, что под покровом ночи придут чарки и уташат его в воду, не отпускала Лэна. По мере того, как сгущались сумерки, страх все сильнее овладевал им.

Лэн лихорадочно заметался по деревьям. Выбрав самое крепкое и развесистое, нашел надежную развилку и соорудил из нарубленных ветвей крепкий помост. Вооружившись ножом и дубинкой, Лэн устроился на нем и стал вглядываться и вслушиваться в темноту.

Взошедшая луна залила все мертвенным серебристым светом, наполнила Лес жуткими тенями. Шорохи, вздохи и стоны оживили их. Вздогнуло, заволновалось море. Закачались под напором воды деревья. С хлипкого помоста посыпались ветки. С ужасом всматривался Лэн в подступающую все ближе и ближе поблескивающую шевелящуюся поверхность, чувствуя, как леденеет в страхе тело. Не учел он такого варианта. Против любого существа, будь то человек или зверь, мог применить он свой нож и дубинку. Но против Воды... Чарки оказались хитрее! Испугавшись вооруженного человека, они напускают на него Океан, прячась в глубинах. Это конец! Океана ему не осилить. И Лэн, отбросив ненужные нож и дубинку, обратил свой взор к небу.

Утренние зарницы, робко пробившись сквозь ночь, осветили Каньон. На островке растительности, на одном из деревьев застыла оцепенелая фигурка. Искривленное гримасой страха лицо, бледное, без единой кровинки не могло быть лицом живого человека. Но Лэн был жив. Это было заметно по вздрагивающему в судорожных вздохах телу, по чуть дрожащим ресницам. Солнечный блик, скользя по лицу, вырвал Лэна из оцепенения. Он

открыл глаза.

— Утро!? Жив! — были первые его мысли.

Он вскочил, недоверчиво оглядываясь, удивляясь тому, что жив до сих пор. Вспоминались события прошедшей ночи. Был ли это кошмар или это было наяву? Было ли наступление Океана сном или реальностью? Слишком уж ярко отпечаталось в памяти шум деревьев и надвигающиеся волны. Хотя сейчас, при утреннем свете поверхность воды была там же, далеко внизу.

Лэн разобрал помост и сбросил ветки вниз. Спустившись, он принялся вылавливать их в мрачной, тускло темневшей сквозь утреннюю дымку воде. Лазить в зыбком тумане по деревьям над самой водой было жутковато, но он ни на миг не желал больше оставаться в этом гиблом месте. Хватало ночных кошмаров. А сейчас того и гляди, выплывет из тумана какая-нибудь мразь. Лучше убираться отсюда побыстрее.

Ухватившись за торчащую из воду ветку, Лэн дернул ее, но тут же, забыв обо всем, взлетел по стволу вверх. Вцепившись в ветки, он со страхом уставился вниз, в туман. Кто-то стонал? Или ему опять померещилось? Но уж слишком явственно доносились стоны.

Внизу было тихо, и Лэн, усомнившись, стал спускаться. Охалка веток, которую он бросил в испуге, качалась на воде, ожидая его. Замирая, прислушиваясь и вглядываясь в заросли, он подобрался к ней. Но что это? Стоны, еле слышимые, но настоящие, человеческие донесли до него. Человек? Здесь? Кто такой? Откуда? Разве что кто-нибудь из соседей.

Лэн перебрался на соседнее дерево. Звуки приблизились. Что-то смутное, белое покачивалось на поверхности в такт волнам. Разглядеть в тумане было невозможно. Лэн спустился ниже.

В воде, запутавшись в водорослях и ветках, покачивалось человеческое тело. Накатывающиеся волны били его о ствол дерева, и изо рта неизвестного вырывались чуть слышимые стоны. Эти стоны, а также то, с каким упорством держалась на поверхности воды голова, говорили о том, что человек жив, хотя и находится, судя по всему, в полуобморочном состоянии.

Лэн спустился к самой поверхности. Попытки вытянуть человека наверх оказались безрезультатными. Ветки не желали расставаться с добычей. Ступать в холодную, вызывающую страх воду не хотелось, но выхода не было. Лэн осторожно сполз в черный омут, судорожно цепляясь за ствол не желавшими разжиматься пальцами. Неприятно за холодило тело. Невидимые пальцы зашарились по нему, забираясь под одежду и не встречая на своем пути препятствий. Стиснув зубы и сдерживая желание взметнуться вверх на дерево, Лэн подтянул к себе человека и стал торопливо высвобождать из цепких оков.

С телом он справился быстро, но волосы... Густые длинные волосы! Поначалу Лэн терпеливо расплетал запутавшиеся в месиве ветвей пряди, но, поняв бессмысленность такого занятия, вооружился ножом и стал безжалостно отсекал где ветки, где волосы. Это ускорило работу. Подхватив освободившееся тело, Лэн направился к берегу, таща его за собой на плаву. Мысли о чарках и таившейся в глубинах опасности на время отступили.

Почувствовав под ногами твердую поверхность, Лэн понял, что все позади. Опустив безвольное тело на берег, он принялся рассматривать спасенного им человека.

Результат осмотра ошеломил. Спасенный оказался женщиной, вернее девушкой, о чем явственно говорили маленькие обнаженные груди с розоватыми сосками. Девушка была почти голая, если не считать лоскут из странной блестящей материи с широким поясом на

бедрах. Где и каким образом лишилась она одежды? Коварное солнце не щадило того, кто осмеливался появиться перед ним открытым. Кожа покрывалась струпьями, начинала болеть поясница. Люди заболели непонятной болезнью и выдерживали недолго. Старуха с косой прибирала их быстро. Страх перед солнцем передавался из поколения в поколение. Человек ни за что на свете не вышел бы под прямые лучи даже с непокрытой головой. Тем более странным было видеть эту женщину без всякой защиты.

Другой странностью оказались ее волосы. Длинные, в полметра и более. Темные, они искрились, переливались радужными блестками, и, казалось, жили своей жизнью. И они покрывали голову сплошным покровом! Таких Лэну еще не приходилось видеть ни у кого. У всех, кого он знал, даже у самых красивых женщин его Семьи волосы росли кустисто и большой длины не достигали. Обычно секлись, обламывались. При длине волос до плеч это была уже роскошь.

— Сколько тетивы можно наплести! — промелькнула мысль. То, что волосы, как впрочем и их хозяйка принадлежат теперь ему, не вызывала сомнений. Он ее нашел, добыл, можно сказать, и теперь никто не имеет права отобрать ее у него. Пусть только попробует! Не каждый мужчина в их Семье имел собственную женщину. Да еще с такими волосами! Плевать он хотел теперь на ветки, древки и прочую дребедень!

— Эй, — подтолкнул он распростертое у его ног тело, — вставай!

Женщина даже не шелохнулась. Только хриплый стон сорвался с ее губ. Повторные пинки ни к чему не привели. Пробуждаться она не желала. Похоже, с ней было не все в порядке. Как бы не померла! — мелькнула мысль. Лэн, еще не успевший ощутить привалившего ему счастья, почувствовал, что все это может ускользнуть. Что все настолько призрачно. Стоит закрыть и открыть глаза, как окажешься вновь нищим и гонимым. Он сел рядом с женщиной и принялся ее обследовать.

Тело незнакомки покрывали ссадины и царапины. Серьезных повреждений Лэн не обнаружил. Только левая нога неестественно вывернута. Скорее всего, обычный вывих. От него люди не умирают. Лэну неоднократно приходилось наблюдать, как дядя Сэд вправлял вывихи соплеменникам. Вывихи и переломы были основной напастью живущих в развалинах людей. Он ухватился покрепче за ногу и резко дернул. Нога хрустнула и встала на место. От боли женщина вскрикнула, но в сознание не пришла.

— Придется тащить на себе, — нахмурился Лэн, — пока солнце не спалило.

Донесет он ее домой живой или нет, Лэн не знал, но расставаться с добычей не хотелось. Он оглянулся на поднимающееся над горизонтом слабое, еще не набравшее силу солнце. Скинул плащ и упаковал в него незнакомку. Затем, вскинув ее на плечо, зашагал вверх по склону.

Подъем оказался трудным. Побаливало плечо, ноги глубоко зарывались в рыхлый грунт. Отвесные участки склона, которые он одолел бы налегке без особых затруднений, теперь приходилось обходить.

Когда Лэн выбрался наверх, солнце уже припекало. Не задерживаясь на отдых, он побрел туда, где в серой дымке громоздились развалины Города. Тащить на себе такую ношу было тяжело, даже несмотря на присущую Лэну силу и выносливость. В эту эпоху выживали только сильные и крепкие. Слабые недолго задерживались на этом свете. И Лэн, несмотря на усталость, двигался вперед. Шаг... Еще шаг... Земля плывет перед глазами, качается из стороны в сторону. Глаза застилает алый туман. Пот ручьями струится по лицу.

На полпути Лэн сдался. Ноги подкосились, и он рухнул на землю. Хватая широко раскрытым ртом воздух, лежал он, не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой, уставившись застывшим взглядом в небо. В бездонной синеве не было ни одного облачка, которое спасло бы его, закрыло от палящих смертоносных лучей светила, раскинувшего по этой синеве свои невидимые ядовитые щупальца. Полежи он так еще немного, — и не нужно будет мучиться, нести это безжизненное тело, истекать потом, изнывать от боли в суставах. Все это будет уже ни к чему. Все будет бессмысленным. Как бессмысленна вся его жизнь, жизнь соплеменников и всех людей, обитающих в трущобах воздвигнутого невесть кем, когда и для чего Города. Города, великого некогда, а теперь доживающего свои последние годы и дни. Кто они, эти строители? Зачем строили такие громады домов, когда намного удобнее жить в подвалах? Не лазить вверх-вниз по этажам, не тратить попусту силы. Для чего напичкали они эти здания непонятными механизмами и устройствами? Возможно, когда-то давным-давно далекие Предки находили им применение, но позднее поняли их ненужность и отказались. Как отказались от домов-небоскребов, предпочитая селиться в подвалах. От странных конструкций на колесах, которые невозможно протащить по городским завалам. От ружей, одним из которых так дорожил Воклот-старший. Лэн ни разу не видел ружья в действии и даже не представлял, для чего оно и по какому принципу работает. Но чувство страха и почтения, оказываемые обладателю сего предмета, позволяли предположить в нем оружие не менее грозное, нежели арбалет или копье.

Почувствовав, что может шевелиться, Лэн подполз к женщине. Грубо содрав с нее плащ, он закутался в него, оставив для нее край. Теперь можно опять предаться размышлениям в ожидании того момента, когда исчезнет усталость, и нальются силой мышцы.

Ружье... Впрочем, что там ружье? Рэкеты, например, таскают за собой какую-то штуку на колесах, называя ее «пушкой». Говорят, что однажды они одним выстрелом из нее уничтожили полСемьи. Пушкой Рэкеты запугивают людей, держат в страхе всех обитателей Города, заставляя откупаться пищей и женщинами. Хотя пушка тут не при чем. Дело в обитателях Города. Если бы все Семьи объединились, от Рэкетов мокрого места не осталось бы. Но Семьи разобщены. Каждый радуется только о своем, воюет друг с другом за кусок мяса, горсть зерна, клочок земли. Потому сладить с Рэкетами никогда не удастся. Будут они вечно держать в страхе Город.

Тут Лэн поймал себя на том, что мысли его совсем не соответствуют моменту.

— Надо же, — усмехнулся он, — куда может увести нить размышлений. А с чего я начал? — но вспомнить не мог. Только понял, что уже отдохнул и готов следовать дальше.

Он вылез из-под плаща и принялся упаковывать так и не пришедшую в сознание женщину, не особо заботясь об осторожном обращении. От грубых действий женщина застонала и шевельнулась. Лэн, воспринимавший ее скорее как предмет, нежели живое существо, от неожиданности отпрянул. Подскочив, он откинул ткань.

Женщина оживала. Порозовело мертвенно-бледное лицо, щеки подернулись румянцем. Дрожь жизни пробегала по всему телу, заставляя шевелиться руки и ноги. От глубокого неровного дыхания вздымалась грудь. Веки трепетали, готовые приоткрыться.

— Эй! — хриплым шепотом позвал Лэн.

Женщина вздрогнула и медленно приоткрыла глаза. Глаза...

— Ничего странного, — попытался убедить себя Лэн, чувствуя себя неудобно под взглядом незнакомки, — обычные глаза. Только...

Только не было у этих глаз обычной радужной оболочки, отчего глаза казались

неестественно большими. Оболочка-то, если приглядеться, была, но такой черноты, что ее невозможно было отличить от зрачка. В Семье Лэна, да и во всем Городе не было ни одного человека с такими глазами. У всех глаза были различных оттенков — от светло-рыжих до карих и голубых. Таких же Лэн еще не встречал. Глаза втягивали в свою колдовскую глубину, покоряя какой-то нечеловеческой мудростью, пронизывали насквозь и в то же время пугали своей неестественностью. Ему и хотелось смотреть в них, и в то же время какой-то инстинкт, страх заставляли отвести взгляд. Взгляд незнакомки тем временем принял осмысленное выражение и, обожав все кругом, остановился на Лэне. Она разлепила спекшиеся губы и что-то произнесла.

— Оклемалась, — грубовато проворчал он, пытаясь избавиться от колдовского наваждения глаз. — Вставай, хватит валяться. Пойдешь сама. Нечего на чужом горбу разъезжать.

Женщина опять что-то пробормотала, но Лэн не разобрал слов и нетерпеливо подтолкнул ее.

— Вставай!

Женщина приподнялась и села, осматриваясь.

— Ты идешь? — Лэн был нетерпелив.

— Кто ты? — произнесла она первые понятные слова, хотя выговор ее был несколько неправилен.

— Лэн. Воклот. А ты?

— Риит. Где я?

— В безопасности. Чуть чаркам на ужин не угодила.

Риит бросила на него странный взгляд, но промолчала.

— Океан прорвался в Каньон. Проглотил половину Леса. Тебе еще повезло. В ветках запуталась. Иначе... — тут Лэн краем глаза заметил, как невдалеке шевельнулась трава. Он подскочил и метнулся в сторону, но тут же вернулся, схватил женщину и поволок за собой. Женщина отчаянно отбивалась. Лэн, в ярости бросив ее на землю, заорал:

— Дура! Иди сама, если жить хочешь!

— А что происходит? — недоумение не сходило с ее лица.

— Плешь подбирается, разве не видишь? Вон, — указал он, — трава колышется.

Она оглянулась и пожала плечами:

— Ничего не вижу.

— И не увидишь, — выпучился на нее Лэн. — Ты что, только родилась? Бежим, некогда разговаривать. Сжует за милую душу.

Риит, которая, судя по ее виду, так ничего и не поняла, поднялась и, прихрамывая, последовала за ним. Отбежать далеко не удалось. Лэн внезапно остановился, и она налетела сзади на него.

— Еще одна, — Лэн затравленно оглянулся, — и еще.... И вон там. Со всех сторон обкладывают.

— Где? Что? — непонимающе шурилась Риит.

Лэн бессильно опустился на землю.

— Да кругом они. Надо же, в самое Болото угодили. Нашли где отдых устраивать! Пока отлеживались, они и подобрались со всех сторон. Плешь шаги хорошо чувствует.

— Что теперь делать? — Риит присела рядом. Тревога передалась и ей.

— Не знаю. Будем прорываться, но.... Эх, — вздохнул Лэн, — хоть бы одну палку сюда.

Все в Каньоне остались. Ну ладно, — поднялся он, — расслаживаться некогда. Рискнем.

Они пошли, внимательно смотря под ноги и прощупывая ступнями надежность грунта. Сначала в одну сторону, потом в другую, третью.... После недолгих блужданий Лэн остановился.

— Все, пришли.

— Как, уже? — удивилась Риит.

— Да, уже! — разъярился Лэн. — Кругом они. Свободного прохода нет. Нам осталось жить считанные минуты. Пока не подберутся вплотную.

— А потом?

— А потом уже не будет. И нас тоже.

— Странно, — Риит недоверчиво оглянулась, — земля как земля.

— Это сверху она земля. А снизу... — Лэн поперхнулся и умолк. Невозможно с ней говорить! До чего же тупая!

— Неужели нельзя пройти? — продолжала допытываться девушка. — Надо хотя бы попытаться.

— Можно, — криво усмехнулся Лэн. — Вон там, к примеру, белый налет на поверхности видишь? Там можно. Если, конечно, успеешь дойти до края. Но только вряд ли. Эта хоть и медленно съедает, но все равно без ног далеко не убежишь. Я еще мог бы попытаться, — указал он на сшитые из козлиной кожи ботинки, — хотя не уверен, что успею добежать до края. А ты... — кивнул на босые ноги Риит.

— А если отогнать этих, как ты их называешь, плешей?

— Чем? Им, что ли? — подкинул он на руке нож. — Да ее пока впереди долбишь, она сбоку подбирается. Нет, бесполезно. Жалко, что так получилось, — он окинул взглядом ее длинные волосы, худощавое, но плотное и стройное тело, окунулся еще раз в глубину ее глаз. — У меня такой еще не было.

— Какой?

— Такой, как ты. И вообще у меня еще ни одной женщины не было, — неожиданно для себя признался он. — Ты — первая.

— Ну, это еще неизвестно, захочу ли я быть ею, — усмехнулась девушка.

— При чем здесь твое желание? Ты — моя добыча. А впрочем... — Лэн махнул рукой. — Какие тут могут быть разговоры, когда эти подбираются, — он кивнул на шевелящуюся невдалеке траву.

— Это мы еще посмотрим, — Риит поднялась, скинула плащ, в который она куталась все это время, и стала искать что-то в широком поясе, облегающем талию. — Сейчас. — В руках у нее появилась короткая трубка. — Где эта плешь? Показывай.

Показывать необходимости не было. Вокруг уже в опасной близости бугрилась и шевелилась земля. В появляющихся тут и там изломах почвы просвечивались ядовито-зеленые, сиреневые, фиолетовые инородные прожилки, поблескивающие в лучах солнца. На одну из прожилок, ближе всех подбравшуюся к ним, она направила трубку.

Ничего особенного не произошло, но плешь вдруг замерла. Глянцевая прожилка перестала искриться и помутнела. Риит подошла и, замешкавшись на мгновение, нерешительно ступила на плешь. Лэн, наблюдавший за ее действиями, бросился к ней, но Риит уже прыгала по земле и радостно кричала:

— Получилось! Получилось!

Подскочив к ней, Лэн устался на ее ноги. Девушка танцевала на том месте, на

котором не должна была простоять и секунды. Ступни ее сейчас уже должны быть съедены до костей. Но этого не произошло. Девушка бесстрашно ступала по плещи, и та ничего с ней не делала.

Пересилив страх, Лэн ступил на плешь. Ничего не произошло. Не было тысячи иголок вонзающихся в ступни, не было шоковой волны, бьющей в голову и парализующей тело. Не было ничего. Плешь была мертва. Мертва впервые. Насколько знал Лэн, еще никому не удавалось уничтожить или хотя бы обратить вспять плешь. Разве что дядя Сэд, колдун, своими заговорами и воскуриваемыми снадобьями, секрет которых он так и не успел никому передать, мог остановить ее. Но не больше. И вот это делает какая-то девчонка, появившаяся неизвестно откуда и, похоже, впервые встречающаяся с плешью. Невероятно!

— Ты настоящая колдунья! — в благоговении Лэн опустил на колени.

— Глупости! — отрезала Риит. — Я здесь совсем не при чем. Это панер, — помахала она трубкой. — Наука и никакой мистики. И вообще, выбираться отсюда. Мне эти существа определенно не нравятся.

Риит шла впереди, водя трубкой перед собой из стороны в сторону. Под действием этой трубки земля послушно замирала перед ней, хотя по сторонам продолжала угрожающе шевелиться. По коридору, проложенному трубкой, они быстро пересекли Болото и оказались на обычной земле, твердой и надежной. Лэн вспомнил еще об одной опасности, про которую он в поединке с плешью совсем забыл. Солнце, его смертоносные лучи. Он сорвал плащ, в который закутался после того, как его обронила Риит, и предложил девушке.

— Мне не холодно, — отказалась она.

— Солнце, — указал он на небо.

— Солнце как солнце, — пожала плечами Риит.

— Но ты же умрешь! — воскликнул он. — Заболеешь и умрешь. Лучи у него смертоносные.

— Ничего подобного. Нормальные лучи.

— От них люди умирают. Те, кто долго находился под лучами без одежды, — в отчаянии завопил Лэн. — И ты умрешь!

— Не собираюсь, — отрезала Риит. — Мне умирать еще рано. А насчет солнечной радиации... — дальнейшие ее слова показались Лэну сплошной абракадаброй. — Так что озон уже восстановился, — закончила она, — и солнечное излучение человеку теперь не вредит. Понятно?

Лэн, хотя ничего не понял, но виду не показал и послушно закивал головой. Не хватало еще унизиться перед женщиной. Хотя признаться, Риит — женщина довольно странная. Длинные волосы, колдовские глаза. Не знает, что такое плешь, и тут же легко убивает ее своей трубкой. Теперь еще эти незнакомые слова и отсутствие страха перед солнцем. Но неважно, кто она и откуда пришла. Важно другое. Риит — его женщина, его добыча, и отнять ее у него ни у кого не хватит смелости. Ее странности ему даже на руку. С помощью Риит он в страхе и почтении будет держать свое племя. Может, прижмет и старого Воклота. Лэн заскрежетал зубами, вспомнив, как обошелся с ним Воклот.

— Держись, старик, — прошептал он, — пришло мое время! Бойся меня! И ты бойся. Кри!

Он догнал девушку и насильно набросил ей на плечи плащ.

— Что это за штука, которой ты перебила плещи? — мысль об этом невиданном оружии не выходила у него из головы.

— Панер?

— Да. Можно поглядеть?

— Только осторожнее, не то опять кому-то придется нести другого.

— Как он действует? — Лэн держал трубку двумя пальцами.

— Заряжается от человеческого тепла, — эти слова ничего ему не говорили, — а срабатывает от простого сжатия цилиндра.

— А чем убивает?

— Панер не убивает. Он просто парализует нервные клетки. Выводит организм из строя. Примерно на час. Потом жертва оживает.

— И ничего с ней не происходит?

— Ничего. Плывет себе, как ни в чем не бывало.

— Фу, что это за оружие! Игрушка и только. То ли дело стрела или копье. От них враг уже никогда не встанет.

— Нельзя убивать живое, — глаза Риит потемнели еще сильнее. — На Земле итак живого осталось мало.

— Ждать, когда тебя убьют? — удивился Лэн. — Нет уж, лучше так, — он направил трубку на шмыгнувшую в кустах кошку.

Кошка подпрыгнула в конвульсиях и упала.

— Ловко! — Лэн пнул неподвижное тельце. — Готова! А ведь эта тварь и на копье еще долго извивается и пытается цапнуть.

Он поднял трупик и приложил к уху. Сердце билось.

— Точно! Живая! — Лэн вынул нож.

— Остановись! — от удара нож вылетел из руки. Лицо Риит покраснело от гнева, темные глаза метали молнии.

— Ты что делаешь? — выкрикнула она. — Опомнись. Ты же человек!

— Что тут такого? — хмыкнул Лэн. — Просто проверить хотел этот твой пари... пани... Ну и назвали же! — плюнул он. — Да и перекусить не мешало бы. Я со вчерашнего дня крошки во рту не держал. Да и ты тоже.

— Зверь! Животное! — накинулась на него девушка. — Что она тебе плохого сделала? Отдай панер. Таким, как ты, его нельзя доверять.

— Забирай, — Лэн, передавая панер, невзначай направил на нее и сжал трубку. Риит обмякла и рухнула на землю.

— Так-то лучше. Стану я отдавать эту шгуку, разбежался! Да с ней мне никто не страшен, — проворчал Лэн. — И натуральнее будет, если ты появишься в Городе не сама, а у меня на плече.

Освежевав кошку, он наскоро обглодал полтушки. Остальное отложил для Риит. Проголодается — съест. Затем привычно упаковал девушку в плащ, закинул бесчувственное тело на плечо и зашагал к Городу.

Подозрительную тишину Лэн заметил на подходе к своей территории. Не было привычного оживления. Не мелькали в развалинах фигуры людей. Не слышен был человеческий говор. Не блеяли овцы. Тишь и заброшенность царили кругом. Дом, вернее то, что от него осталось, был пуст. Но пустым он казался издалека. Лэн сбросил ношу и кинулся туда.

Повсюду были видны следы жестокой битвы. Камни, окропленные кровью. Сломанное

оружие, покрытое засохшими ржавыми пятнами. И трупы, трупы повсюду. Мертвые тела, иссеченные мечами, пронзенные стрелами и копьями. И знакомые лица, обезображенные печатью смерти. Воклоты! Вот тихоня Сэм, предатель Рэф, вот счастливчик Лик. А вот и сам старый Воклот. Смерть настигла и его. Правая рука отрублена по самое плечо. Тело истыкано копьями. Череп разрублен пополам. Судя по залитым кровью камням, Воклот отдал свою шкуру не задешево. Но здесь не все. Где остальные? Где Шон и Кри? Где другие братья? Враги унесли тела своих убитых, но чужие они забирать не станут. Значит, живые! Значит, Лэн не единственный уцелевший из Воклотов!

От этой мысли в душе Лэна потеплело, и он забыл былые обиды.

Метко брошенный камень угодил прямо в затылок. Взревев от боли, он развернулся в поисках обидчика. Из темноты оконного проема стоявшего недалеко здания кто-то махал рукой. Лэн подхватил еще не очнувшуюся девушку и заторопился к зданию.

Из Семьи Воклотов уцелело семеро. Двое лежали в углу и готовились уйти к Предкам. Остальные притулились у окон в ожидании нападения. Но и они были не лучше. Израненные, кое-как перебинтованные кровавыми грязными тряпками, в пыли и запекшейся с грязью крови. Они неприветливо встретили живого и целехонького Лэна.

— Что здесь произошло? — был его первый вопрос.

— Хэнсомы напали, — буркнул угрюмо Фил, стоящий поблизости. — Почти всех перебили. Баб и стадо угнали. Скоро снова придут. Пока всех не перебьют, не успокоятся.

— С чего бы это они? — удивился Лэн. — Вроде в последнее время мирно жили, не ссорились.

— Как не ссорились, — возразил Фил, — бывало и это. И набеги на них, помнится, делали. Баб утаскивали, скот угоняли.

— И из-за Леса стычки случались, — добавил Нэд, которого Лэн с трудом узнал из-за рваного шрама, пересекавшего наискось все лицо.

— Это Кри во всем виноват! — крикнул кто-то из темноты. — Вылазку решил сделать. За бабами. Вот и сделал. Один вернулся.

— Кри жив? — вздрогнул Лэн. — А Шон?

— Жив. Что им делается! — с сарказмом произнес Фил. — Наверху оба. Совещаются.

Крыша, бывшая когда-то третьим этажом здания, теперь представляла собой усыпанную горами обломков площадку с сохранившимися местами стенами. Тугой ветер завывал в изломах стен да вымывал меж камней редкие песчинки.

Шон и Кри, укрывшись за стеной, наблюдали за дальними подступами, изредка перебрасываясь словами. В схватке им тоже досталось, но не так сильно, как остальным. Выглядели они бодрыми и здоровыми. От осыпавшихся под ногами Лэна камней братья оглянулись.

— А-а, пожаловал, — протянул Кри. — Где ты был, когда мы проливали кровь ради спасения Семьи?

— Ты отлично знаешь, где, — отпарировал Лэн, опуская сверток с Риит. — А вот что сделал ты, чтобы договориться с Хэнсомами и мирно уладить дела? Баб пошел воровать!?

— Да кто ты такой, чтобы меня спрашивать? — накинулся на него Кри. — Или тебе мало вчерашнего? Так я не погляжу, что у нас мало людей. Сделаю еще на одного меньше.

Это мы еще посмотрим, — Лэн выпятил грудь. — После смерти отца я — его законный наследник. Потому я — глава Семьи.

— Ты?! — рассмеялся Кри. — Сопляк, падаль вонючая! Да что ты сделал, чтобы стать

главой? Убил кого, ограбил? Баб вернул или скот? Нет, ты отсиживался в кустах, пока здесь убивали твоих братьев.

— Сейчас не время выяснять отношения. Ты должен подчиниться. Как и все вы, — оглянулся Лэн на столпившихся позади Воклотов. — Отобьемся от Хэнсомов, тогда поговорим.

— Нет, сейчас, — взревел Кри. — Поединок!

— Поединок! Поединок! — раздались крики за спиной.

— Опомнись! — воскликнул Лэн. — Ты уже показал свои способности в истреблении братьев. Не доводи дело до конца, не дай исчезнуть с лица земли Семье Воклотов. Я — единственный, кто может сохранить и возродить былую силу Семьи.

— Ты?! Ты постарайся сохранить сначала свою шкуру, потом уж думай о Семье. Копье ему! — крикнул Кри и прыгнул вперед.

Лэн едва успел отбить удар услужливо подсунутым копьём. Кри наступал, нанося удары обеими концами копья, мгновенно посылая острие в образовавшуюся в защите брешь. Лэн с успехом оборонялся, хотя и отступал под градом ударов все ближе и ближе к краю крыши. Толпа разделилась. Одни восторженно улюлюкали при каждом удачном выпаде Кри, другие криками подбадривали Лэна. Лэн начал уставать. Кто бы он ни был — глава Семьи или простой человек, — по силе Кри превосходил его. И так — большей частью защищаясь, — он все равно рано или поздно обречен на поражение. Лэн понимал это. Собрав последние силы, он отбил удар и послал свое копьё вперед. Но оно встретило пустоту. Кри успел отскочить в сторону. Зато Лэн тут же получил страшный удар в плечо, то самое, которому уже не раз перепало за эти дни.

Острая боль пронзила руку. Копье выпало. Лэн попятился к самому краю. Еще мгновение — и он сорвался бы вниз. Толпа взревела.

— Бей! Остановись! Хватит! Давай!

Сквозь возгласы пробился звонкий голос:

— Панер!

Панер, про который он забыл в пылу схватки, — вот единственное, что могло его спасти. Не раздумывая, Лэн выхватил трубку из-за пояса и полоснул наугад. Кри будто переломило. С воплем он упал на Лэна, но, не удержавшись, перевалился через него и исчез за изломом стены. Возбужденные схваткой зрители ринулись к краю, моментально забыв про Лэна, забыв, что только что сочувствовали или желали ему смерти. Захваченные другим зрелищем — поражением Кри, они сгрудились на краю, алчно вытягивая шею. Лэн, еще не до конца поверивший в свое спасение, присоединился к ним.

Кри барахтался внизу, пытаясь подняться на непослушные ноги. Луч панера прошелся по ним, не задев остальных частей тела. Кри, отделавшись при падении ушибами, пылал жадной мести и желанием продолжить схватку. Но было поздно. Зашевелилась земля, взбухла, маслянисто заблестела в ее трещинах черная масса и двинулась к нему.

— Черная плешь!

Крики братьев всполошили Кри. Он оглянулся, увидел надвигающуюся смерть и лихорадочно заметался между обломков, волоча за собой ноги. Обезумевшие глаза зывали о помощи. Из искривленного в гримасе ужаса рта вырывался хриплый вой. Но спасения не было. Отвесная стена не позволяла ни ему зацепиться за какой-нибудь выступ, ни братьям протянуть ему спасительный шест. Оставалось только следить, как подбирается к Кри черная плешь, как медленно тонет он в ней.

Подскочившая Риит вырвала трубку из рук Лэна и направила ее вниз. Но было уже поздно. Над застывшей лавой выступало тело Кри, уже по пояс ушедшее в нее. Глаза, вышедшие из орбит, были пусты и безжизненны. Из оскаленного в предсмертной судороге рта вытекала и падала в пыль кровавая пена.

— Звери! — процедила сквозь зубы Риит.

— А это кто? — заборачивались на нее Воклоты. — Как здесь оказалась?

— Это моя женщина, — поднялся Лэн. — Запомните это. Я нашел ее в Каньоне и принес сюда. В ее руках — наше спасение. Эта трубка убивает лучше, чем наши копья и стрелы.

Воклоты обступили женщину, разглядывая маленький невзрачный цилиндрок в ее руках.

— Имея такое оружие, мы уничтожим всех Хэнсомов, — продолжал Лэн, предпочитая умолчать об истинном действии панера, — и не только Хэнсомов. Мы покорим весь Город, станем его полновластными хозяевами. Рэкеты будут нам пятки лизать.

— Врешь! — крикнул кто-то. — Такой маленькой железякой не то, что человека, даже крысу не убьешь. У нее даже лезвия нет.

В том-то и вся штука, что лезвие невидимое, — нашелся Лэн. — Это меч, заговоренный Предками. Только избранным дозволено узреть лезвие этого меча. И я его вижу! — воскликнул он, подняв словно в транс руки. — Оно тонкое и длинное. Вот оно, — протянул он руку, указывая на несуществующее лезвие, — блестит как луна. Отойдите в сторону, не то зацепит кого-нибудь.

Стоящие поблизости подались назад, замороженные речами Лэна. Один Шон остался на месте, недоверчиво выискивая невидимое лезвие.

— Или ты паришь нам мозги, парень, или... — он выхватил свой меч и взмахом рассек воздух у самой руки Риит. — Бреешь! Нет у твоего меча лезвия. Как и сейчас не будет твоей головы, — и он замахнулся вторично.

— Остановитесь! — встала между ними Риит, подняв руку. — Опомнитесь. Что вы делаете? Хватит крови. Ведь вы же люди!

Шон вдруг попятился назад.

— Смотрите! — выкрикнул он. — Что это?

Между пальцами Риит виднелись перепонки. Тонкие, нежные, они доходили до первых фаланг пальцев, просвечиваясь насквозь под лучами солнца, вызывая чувство чего-то мистического, ужасного.

Внутри Лэна похолодело.

— Это не человек! — зубы у Шона стучали. — Кто это?

— Н-не знаю, — язык плохо слушался Лэна. — Наверно, человек. Она во всем похожа на нас.

— А это, — указал Шон на руку, которую девушка благоразумно спрятала за спину.

— Бывает, — пожал Лэн плечами. — У нас тоже не обходится без уродов. Помните двухголового Чина? Его еще забили камнями вместе с матерью. Или хвостатого Тру?

— То было совсем другое дело. Их родили наши женщины. Все видели. А эту ты привел неизвестно откуда.

— Из воды он ее привел, — раздалась возгласы, — из Океана.

— Из Океана? — Шон попятился. — Ты — чарка?

Риит кивнула головой. Этого оказалось достаточно. Крыша мигом опустела. Только

топот, крики и шум падения донеслись с нижних этажей.

Спустя мгновение из окон и дверей здания вывалилась толпа и бросилась врассыпную. Лэн остался один.

А ты чего не бежишь? - в голосе Риит сквозила усталость.

— Не знаю. Не подходи! — Лэн отскочил от шагнувшей к нему девушки.

— Боишься, — усмехнулась Риит. — Как и твои братья. Неужели я такая страшная?

— Ты, — язык заплетался. — Ты красивая. И совсем не страшная. Но я тебя боюсь.

— Глупый! До этого нисколько не боялся, а тут испугался. Чего?

— Ты — чарка.

— Ну и что? — пожала Риит плечами. — Чарки — тоже люди. Такие же, как и вы, живущие на суше.

— Чарки утаскивают людей в Океан и там пожирают их. Чарки должны быть красивыми, чтобы заманивать мужчин. Ты красивая. Ты — чарка. Ты пришла, чтобы заманить меня в Океан. И ты преуспела в этом. Я уже не хочу терять тебя и готов следовать за тобой. Хотя меня там ожидает смерть, — Лэн вдохнул. — Видно, это судьба. Я покорюсь ей, — он вскинул голову. — Веди меня!

— Нужен ты мне, — отозвалась Риит. — Иди, куда хочешь.

— Но как же Океан? — опешил Лэн.

— При чем здесь Океан? — раздраженно отозвалась Риит. — Это у тебя с головой не все в порядке. Несешь невесть что.

— Ты не заманишь меня в Океан? — не верил Лэн. — И не съешь?

— Это вы здесь готовы перегрызть друг другу глотки, а мы человечину не едим, — все больше раздражалась она. — Мы вообще не употребляем мясного. Каждое существо имеет право на жизнь.

— А как же Заповеди? Нам внушали из поколения в поколение, что чарки — исчадия Океана, пожиратели людей.

— Я похожа на такое исчадие?

Лэн отрицательно покачал головой.

— Врут ваши Заповеди. Непонятно только, для чего?

— Нет, — Лэн не мог сломить привитое поколениями уважение к законам. — Заповеди не могут быть неверными. Только благодаря им мы выжили и живем до сих пор.

— Вы? Живете? — зло рассмеялась Риит. — Разве вы живете? Это скотское существование ты называешь жизнью? В вас от человеческого-то остался только внешний облик. Ненавидите и убиваете друг друга. Звери вы, а не люди. И общество ваше больше похоже на звериное.

— Так все живут, — возразил Лэн. — И в этом нет ничего странного.

— Откуда ты знаешь? Ты удалялся когда-нибудь от своего жилища хотя бы на десяток-другой миль? Ты видел, как живут в других местах?

— Хм, — усмехнулся Лэн. — Зачем идти куда-то? И так ясно, что люди живут только в Городе и нигде больше. Об этом и в Заповедях сказано.

— А вот и неправда! — возразила Риит. — Есть еще обитаемые места. Я даже бывала в некоторых. Конечно, повсюду несладко. Но там хоть как-то пытаются сохранить и вернуть уровень жизни, существовавший когда-то. Вы же скатываетесь все ниже и ниже. Деградируете. Превращаетесь в первобытного человека.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я не совсем понял твоих слов, но... — Лэн задумался. — Выходит, есть еще Города?

— Да, есть. И не один.

— Невероятно. Такие же люди и даже лучше нас?

— Да! — выкрикнула Риит. — Да — да — да!

— А как же Заповеди? — прошептал он. — Неужели все, что в них говорится, неправда?

— Я не знаю ваших Заповедей, и не могу сказать, что в них правда, а что — ложь.

— И не узнаешь, — до Лэна вдруг дошло, что это уже не имеет значения. Племени нет.

Остатки Семьи разбежались в страхе и вряд ли когда-нибудь соберутся вместе. Но даже если и соберутся, места ему среди своих не найдется. Никто не примет человека, связавшегося с чарками. Отныне всюду встречать его будут стрела либо нож. Пес он паршивый, одинокий пес!

— Останься здесь, — буркнул он, — и посматривай по сторонам.

В паническом бегстве братья забыли все свои пожитки. Порывшись в них, Лэн отобрал съестные припасы, оружие и кое-что из одежды. Все снес наверх. Уже в темноте они перекусили и улеглись спать. Риит наотрез отказалась сойти вниз. Стены и потолок давили на дитя Океана. Лэн, провозившись полночи, так и не сумел заснуть. Прошедший день был полон событиями. Внушенное с детства недоверие к чаркам будоражило чувства. Отсутствие стен и потолка вызывало незащищенность. Помаявшись, он спустился этажом ниже, забрел в какую-то комнату и там, упав на голый пол, наконец, уснул.

Разбудил его крик. Кричала Риит. Взлетев на крышу, он зло выругался.

Между грудями завалов двигалась колонна. Одетые в лохмотья люди, вооруженные кто чем мог, — копьями, арбалетами, мечами, палицами, некоторые даже ружьями с прикрепленными к ним длинными пиками, — они весело орали, словно отправились на гулянку. Шедшие впереди сосредоточенно всматривались под ноги и изредка тыкали землю копьями в поисках затаившейся плешки. Все было бы не так страшно, если бы не катилось сзади облепленное со всех сторон людьми скрежещущее и лязгающее чудище. Это была пушка.

— Кто это? — Риит не отрывала от процессии глаз, в которых наряду со страхом сквозило любопытство.

— Рэкеты, — угрюмо отозвался Лэн. — Теперь нам крышка.

— Почему?

— Потому, — рявкнул Лэн, взбешенный ее расспросами, — что эта банда сначала стреляет, а потом спрашивает. Они весь Город в страхе держат.

— Зачем? — опять не удержалась девушка.

— Затем, чтобы им дань платили. Пищу, женщин, скот... А тех, кто отказывается платить, убивают.

Они замолчали, наблюдая за приближающейся ватагой.

— Это пушка, — прервал молчание Лэн. — Видишь, ствол у нее торчит впереди. Так вот, она стреляет, да так, что от дома остается гряда мусора. От человека вообще ничего не остается.

— Я все не могу никак понять. — Риит задумалась. — Какая необходимость в уничтожении себе подобных? И как вы терпите это?

— Так и терпим. Подчиняемся. Откупаемся. Жить-то хочется. Против пушки не попрешь.

— Против этой старой железяки? Я встречала и посерьезнее. Впрочем, для вас это вполне возможно.

Процессия тем временем достигла здания, в котором укрывались Лэн с Риит. Раздался повелительный окрик. Колонна распалась. Люди оцепили здание вкруговую. Около пушки осталось несколько человек.

— Эй, Лэн, — крикнул один из них, — выходи!

— Это ты, Шон? — Лэн выступил на открытое пространство. — Как это тебя угораздило связаться с Рэкетами? Не ожидал от тебя такого.

— Не твое собачье дело! — огрызнулся Шон. — Ты лучше выходи, пока жив. И чарку свою выводи, слышишь!

— Зачем она тебе? Помнится, вчера ты так резво от нее улепетывал, а сегодня вдруг заинтересовался. С чего бы?

— Она нужна Рэкетам.

— Ну и что? Она моя, и отдавать ее кому-либо я не намерен.

— Ты пожалеешь об этом. Если не отдашь, от вашего здания камня на камне не останется. А от тебя даже мокрого места.

— Это мы еще посмотрим! — Лэн храбрился, хотя поджилки у него тряслись.

— Может, выйдем, — предложила Риит.

— Умнее ничего не могла придумать! Насчет меня не знаю, но тебя они точно прикончат. С чарками у нас разговор короткий.

Группа у пушки между тем посоветовалась, и на сцену выступил другой человек.

— Эй ты! — Крикнул он. — Я — Рэкет старший. Спускайся вниз, поговорим.

— Нашел дурака, — отозвался Лэн. — Я спущусь, а вы меня шлепнете.

— Обещаю, что тебя пальцем не тронут. Поговорим, а потом можешь вернуться.

— А если не выйду.

— Тогда с тобой поговорит пушка, — он отдал приказ. Люди вокруг пушки засуетились. Машина, заскрипев ржавыми сочленениями, развернулась и уставилась дулом прямо на Лэна. Тот мгновенно покрылся холодным потом.

— Можно подумать? — крикнул он.

— Думай, только недолго, — разрешил Рэкет. — Ребятам пошалить не терпится.

— Что делать? — Лэн растерянно озирался. — Выйти — смерть, остаться — тоже. Я не вижу выхода! — яростно ударил он кулаком по стене.

— Выход всегда можно найти, — девушка опустила руку ему на плечо, — пока жив. Не отчаивайся, придумаем что-нибудь.

— Что? — тоскливо отозвался он. — Обложили как...

— Выйди к ним, поговори.

— Они только этого и ждут. Думаешь, я верю их словам? Да они мне рта не дадут открыть. Мигом прикончат. Чтоб не мешал. Потом с тобой легче будет справиться. Ты же женщина, не человек.

— С этой штукой, — махнула Риит панером, — не так-то легко им будет меня взять.

— Их слишком много, — покачал Лэн головой. — Всех уложить не успеешь. Кто-нибудь да опередит.

— Тогда надо незаметно улизнуть.

— Незаметно, — усмехнулся Лэн. — Как это?

— Крыльев у нас нет, — посмотрела Риит вверх, — планера тоже.

— Чего? — не понял Лэн.

— Это я так, о своем подумала. К тому же на них далеко не оторвешься, — нагонят. А что, если по метро? — обернулась она. — В этом здании есть подвал?

— Спрашиваешь! Да под Городом целый лабиринт. Катакомбы. Только туда не сунешься, — вздохнул Лэн. — Там крысы. Сотни, тысячи крыс. Это страшнее даже Рэкетов. Еще ни один из тех, кто уходил в Катакомбы, не вернулся.

— У нас нет другого выхода.

— Уж лучше погибнуть от пушки, чем быть заживо съеденным крысами.

— Давай Все-таки попробуем, — попросила Риит. — Хоть какой-то шанс выбраться из этой переделки все же есть.

— Как хочешь. Мне умирать не страшно. Чуть что — нож под ребра и плевать, что со мной дальше будет.

— А я люблю жизнь, — отозвалась Риит, — и умирать не собираюсь. Жизнь прекрасна. Дюны, коралловые заросли, затонувшие корабли... — она мечтательно уставилась вдаль, но тут же тряхнула головой. — Нет, пожить еще стоит.

— Вот и договорились, — поднялся Лэн. — Эй, Рэкет! — крикнул он, — Мы выходим, Скажи своим ребятам, чтобы не суетились. Не то у нас есть одна штука, от которой они мигом успокоятся.

— Знаю, — отозвался тот. — Она-то мне и нужна. Если надумаете ее отдать, то, может быть, и в живых останетесь. Спускайтесь.

— Слушай, — встрепенулась Риит, — может, отдать им панер? Не хочется, конечно, чтобы он попал в такие руки, но деваться некуда.

— Ри, ты запомни одно, — остановился Лэн, — ты — чарка. Уже из-за одного этого тебе не будет места среди нас. Меня еще могут пощадить, но тебя... — он отвернулся и принялся упаковывать припасы.

— Я не Ри! — донеслось до него обиженно.

По лестнице спускались настороженно, опасаясь, несмотря на заверения Рэкета, нападения из-за каждого угла. Лэн не переставал решать задачу — к Рэкетам или в Катакомбы. Что тут, что там — верная смерть. Из двух смертей хотелось выбрать лучшую.

Ступив на первый этаж, он увидел через дверной проем пушку, людей рядом с ней, встретился с холодным безжалостным взглядом Рэкета старшего. Этот взгляд решил все. Таща за собой Риит, Лэн метнулся под лестницу. Темнота скрыла их от противника.

Поздно поняв их уловку, Рэкеты завyli и бросились вдогонку.

Спотыкаясь и падая, раздирая в кровь колени, Лэн мчался за опередившей его и ловко прыгающей во тьме Риит, удивляясь тому, как она обходится без падений и ушибов. Погоня быстро отстала, опасаясь нарваться на крыс. Необходимость торопиться отпала, но Лэн боялся отстать и потерять девушку. Вернее, потерять самому.

— Остановись! — крикнул он, не выдержав сумасшедшего бега. — Я больше не могу.

Послышались шаги, и его руки коснулась рука девушки.

— Устал? — спросила она.

— Нет, но я не могу бежать в темноте. Так и голову расшибить недолго.

— Ты ничего не видишь? — удивилась Риит.

— А ты что ли видишь? — разозлился он.

— Конечно. А разве... — протянула она... — Впрочем, припоминаю. У вас с этим тоже

не все в порядке.

— Что не в порядке? — озверел Лэн.

— У вас спектр воспринимаемых частот более узок.

— Ты нормальным языком объяснить можешь? Спектр, частот какой-то...

— Ну, — задумалась Риит, — в общем, ты видишь только дневной свет. А я могу видеть в темноте и еще кое в чем. Воспринимаю, проще говоря, ультрафиолетовый и инфракрасный диапазоны.

— Ну и объяснила! — хмыкнул Лэн. — Проще говоря!

— Давай не будем ссориться, — в голосе ее прозвучала мольба. — Не время сейчас для ссор.

— Ладно, — Лэн и сам чувствовал неуместность своей злобы. — Я понял одно, — ты видишь здесь так же, как и наверху.

— Не совсем.

— Неважно. Главное, что ты хоть что-то видишь, — Лэн ощутил в себе ущербность и зарождающуюся зависть, — в отличие от меня.

— Не думай обо мне плохо, — рука Риит сжала его руку.

— Я не думаю, — покривил он душой. — Веди меня, раз видишь.

Дальнейшее слилось для Лэна в монотонный бесконечный путь. Ухватившись за девушку, он шел, не видя ничего и механически переставляя ноги. Пол был неровный, с какими-то поперечными брусьями, о которые Лэн на каждом шагу спотыкался.

— Это рельсы и шпалы, — объяснила Риит, — железная дорога, в общем. По ней когда-то поезда ходили.

Из сказанного Лэн не понял ни слова, но вдаваться в расспросы не стал. Не до этого было. Создаваемые ими шорохи и шумы гулко раскатывались по пустынным коридорам. Местами под ногами хлюпала вода, и на Лэна опять накатывали страхи насчет чарок и их кровожадности. Но он сдерживал свои мысли, чтобы ненароком не обидеть Риит. Временами ему начинало казаться, что он ослеп, что никогда уже не увидит ни солнца, ни света, ни неба. И тогда страх с новой силой подкатывался к горлу, душил, давил. Душа неистово стремилась к свету, и ему с трудом удавалось подавить в себе нарастающее безумие.

Шли долго. Ощущения постепенно притупились. Лэн уже начал подремывать на ходу, как Риит резко остановилась.

— Что случилось? — встревожился Лэн.

— Тихо! — шепнула она. — Крысы!

Лэн мгновенно покрылся холодным потом. Крысы! Мерзкие бестии, они изрядно досаждали по ночам дома. Он ожидал здесь встречи с ними, готовился, представлял, как будет отбиваться от них, убивать десятками, сотнями. А они будут наступать и наступать.... Но действительность оказалась ужаснее. Лэн абсолютно не видел ничего. В руках у него не было ни дубинки, ни копья, ни любого оружия. Впрочем, оружие было совершенно бесполезным в такой темноте. Он оказался незащищен и беспомощен перед наступающей опасностью. Оставалось положиться во всем на девушку, не бросившую его и не убежавшую во тьму.

А эхо коридоров разносило, отражаясь от стен, то приближая, то удаляя, многоголосый писк и царапающий звук тысяч когтей.

— Так, — с ледяным спокойствием произнесла Риит. — Заметили. — Она завозилась,

торопливо отыскивая что-то за поясом. — Или учуяли. Волной катят. А вот мы их сейчас! — она поманипулировала чем-то и дернула Лэна за руку. — Бежим!

И они опять помчались в темноте. Опять падения, ушибы. Лэн стойчески выдерживал это. Судя по голосу девушки, то и дело останавливающейся и отмахивающейся панером, она была тоже изрядно напугана.

— О, море, сколько их! — тяжело дыша, кричала она. — И ведь не останавливаются. Сбиваю первые ряды. Они задерживаются, чтобы сожрать тех, затем снова гонятся. Я боюсь!

— Поздно бояться! — орал он. — Бей! Бей, сколько можешь! Иначе сожрут нас. Бей! — и они мчались дальше.

Крысы приближались с каждой минутой. Все громче и громче недовольный визг, все ближе многоногий топот и стук когтей о бетонный пол. Риит уже не бежала, а пятилась, поливая накатывающуюся массу невидимыми лучами. Но ничто не могло остановить эту живую смерть.

Внезапно, когда уже казалось, что гибель неизбежна, коридор кончился. Они оказались в пустом обширном зале. В него выходило еще несколько туннелей. Риит остановилась в нерешительности. Куда бежать? Но необходимость в этом отпала. Оглянувшись назад, она вскрикнула. Радостно и вместе с тем удивленно.

— Что? — заорал слепой Лэн.

— Крысы... — выдохнула она. — Крысы остановились.

Действительно случилось невероятное. В том отверстии, из которого они выскочили, шевелился живой клубок. Крысы лезли друг на друга, недовольно пищали, кусали друг дружку, но ни одна не осмелилась ступить в зал.

— Ничего не понимаю, — прошептала Риит. — Они словно уперлись в прозрачную стену.

Крысы бесновались, недовольные упущенной добычей, затевали яростные драки, но не переступали невидимую черту. Клацали зубы, кровожадно горели глаза. Лэн всего этого не видел, но по сотрясававшемуся сильной дрожью телу Риит, прижавшемуся к нему, чувствовал, что наступает критический момент. Еще миг — и злобная волна хлынет в зал и затопит людей.

И тут с потолка вдруг отвалился кусок плиты и рухнул прямо на шевелящуюся массу, погребая под собой десятки зверьков. Крысы отхлынули назад. Из глубины коридора донесся испуганный визг и топот удаляющихся ног.

— Кажется, ушли, — облегченно вздохнула Риит.

Но предел их испытаний на этом не закончился. Дикий звериный вопль потряс мрачные своды подземелья. От неожиданности Риит выронила панер и попятилась.

— Кто это? — заорал Лэн, тормоша девушку. — Говори! Я же не вижу.

— Тварь какая-то, — зубы у нее стучали. — Вынырнула из соседнего отверстия. Вроде бы человек, но... — она судорожно вздохнула. — Больше на паука смахивает. Или мертвеца. Руки, ноги как палки. Кожа бледная, складками висит. А глаза-то, глаза! Ужас! Большие, в пол-лица. И светятся.

Жуткое существо метнулось к плите, своротило ее и довольно заурчало.

— Собирает убитых крыс в мешок, — продолжала Риит. — На нас внимания не обращает. Надо уходить, пока оно до нас не добралось.

Но стоило им пошевелиться, как существо оторвалось от своего занятия и угрожающе зарычало. Лэн, отвыкший от света, неожиданно увидел глаза. Два мертвенно-бледных

фосфоресцирующих диска, в которых светилась злоба и ярость, двинулись к нему.

— А-а! — завопил он, пятясь. Ноги зацепились за рельс, и он опрокинулся на спину, продолжая вопить.

Рычание зверя прервалось, послышался вой, звук падения, хрип, хруст костей, и все смолкло.

Выпутавшись из сетей страха, Лэн сел и стал до боли в глазах вглядываться в темноту. Ничего не было видно, даже дьявольские глаза исчезли. Только прерывистое дыхание доносилось до него.

— Есть здесь кто? — несмело задал он вопрос темноте. — Риит!?

— Я здесь, — он ощутил прикосновение руки. — Все в порядке.

— А я уж подумал... — Лэн судорожно всхлипнул. — Что произошло?

— Эта тварь схватила плиту и бросилась на нас. Хорошо, что я успела схватить панер. Ее этой плитой и придавило.

— Идем отсюда, — Лэна трясло, — быстрее. Вдруг она здесь не одна.

Словно в ответ на его слова до них донеслись далекие вопли. Собратья убитой твари спешили на выручку.

— Я не знаю, куда идти, — чуть не плача, крикнула девушка. — Здесь много ходов. Крики доносятся отовсюду.

— От этих чудищ нам не уйти. Единственное спасение — навверх, наружу. — Торопил Лэн. — Ищи! В твоих руках наши жизни.

— Здесь какая-то лестница, — неуверенно произнесла Риит.

— Так вперед! Нечего медлить.

Риит схватила его за руку и подтащила к лестнице.

— Лезь.

— Сначала ты.

— Лезь, некогда спорить. Я буду прикрывать.

Лэн повиновался, понимая, что толку от него никакого. Нашаривая вслепую ржавые, покрытые слизью и плесенью перекладины, он неуклюже полез вверх. Стгнившие, проржавевшие за века ступени грозили обломиться. Шанс оказаться внизу, в лапах жутких чудищ был велик, но это был единственный путь к спасению.

Риит поднималась следом. Затем все звуки заглушил вой, раздавшийся почти рядом. Лестница затряслась. Лэн закарабкался с удвоенной энергией, забыв обо всем на свете. Только одна мысль билась в голове — быстрее, быстрее, вверх, к свету, к солнцу, к жизни.

Внезапно вой оборвался. Послышался звук падения, затем темнота взорвалась яростным рычанием. Рванувшись в испуге вперед, Лэн ударился головой обо что-то твердое. В голове поплыло. Из последних ускользящих сил он ухватился за ступеньку, чтобы не сорваться вниз. К Риит. Или тому, что от нее осталось. Ведь, судя по всему, эти звери ее догнали...

Еще не совсем придя в себя, он что есть мочи стал колотить, бить, давить в то, что закрывало путь навверх.

Крышка сдвинулась, и в глаза ударил ослепительный свет...

Лэн пришел в себя оттого, что кто-то тормозил его. Он разлепил тяжелые веки.

— Риит!? Ты? Жива?

— Как видишь, — улыбнулась она. — Если бы ты не открыл крышку люка, нам обоим был бы конец. Эти бестии не останавливаются даже перед панером. Валом валили вслед за

нами. Но ты успел вовремя. Они не выносят дневного света.

— Кто это такие?

— Как ни странно, но это тоже люди. Вернее, были когда-то людьми. Сказались мутации и среда обитания. В общем, люди и в то же время не люди. Создания Тьмы. Но не нам их судить. Главное — мы спасены.

— Да. Вот только где мы оказались? — Лэн приподнялся, морщась от пульсирующей в голове боли.

Вокруг в знакомом беспорядке громоздились развалины. Те же груды битого кирпича, полуразрушенные здания, то же запустение и разруха. Только изменилось расположение зданий.

— Даже затрудняюсь сказать, где мы, — промолвил он. — Во всяком случае, в Городе.

— Ты что, здесь не бывал? — удивилась Риит. — Столько живешь — и ни разу не заглядывал?

— Попробуй, загляни. Мигом стрелу в бок получишь. Это не мой район. Мы только по своему ходим. Бывало, конечно, и в чужие забирались, — поправился он, — но это при набегах. А в таких случаях красотой любоваться некогда.

— Так всю жизнь и живете на маленьком пятачке?

— Почему на маленьком? У нас еще луга есть для выпаса скота. И Лес. Вернее, был. Сейчас там Океан. Твой Океан.

— Причем здесь Океан? И почему мой? Он общий, земной. Для всех людей.

— Не скажи. Город — это мой Город, потому что я в нем живу. А ты живешь в Океане. Потому он твой.

— Допустим, я живу не только в Океане. У нас есть острова. Но в любом случае Океан принадлежит всей Земле, всем людям, населяющим ее и всем тварям, живущим в нем.

— Но вы же взяли и послали Океан на наш Лес. Загубили его, хотя мы вам ничего плохого не сделали. Значит, Океан ваш, раз на вашей стороне.

— Чушь какая-то! — вспыхнула Риит. — Никого мы не посылали. А то, что Океан проник в котловину, так это из-за землетрясения. Сейчас повсюду землетрясения из-за того, что наши предки неправильно пользовались природой и недрами. Земные пласты над выработками опускаются, отсюда все и идет. Вот и у вас участок суши, где растет Лес, опустился. Туда, естественно, хлынули воды.

— Давай лучше прекратим спор, — поднял Лэн руки. — Я все равно ничего из твоих слов не понял. Да и не время сейчас этим заниматься. Едва живые из Катакомб выбрались.

— Тише! — шепнула вдруг Риит и припала к земле.

В наступившей тишине до них донесся многоголосый гомон и скрежет металла. Лэн змеей скользнул меж плит и осторожно выглянул.

Невдалеке пролегла очищенная от камней и осыпей дорога. По ней двигалась уже знакомая им орда. Впереди все также шли, тыкая копьями в землю, разведчики. За ними беспорядочно двигались остальные, толкая пушку. Хмурый Рэкет старший, сидевший на ней, недовольно покрикивал на копошившихся внизу людей. Шона среди них не было.

Лэн также неслышно вернулся назад.

— Возвращаются. Надо уходить, пока на нас не наткнулись.

— Погоди, — остановила Риит. — Уйти мы всегда успеем. Рэкет сильно вам досаждают?

— Еще как!

— В чем их сила? Ведь не по собственному желанию вы им подчиняетесь, а по причине своей слабости.

— Попробуй не подчиниться. Вильеры однажды попробовали. Так их Дом разнесли по камешкам и самих много перебили.

— По камешкам?

— Ну да. Из пушки.

— Так у них вся сила в пушке? Ее вы боитесь?

— Пожалуй, что так, — согласился Лэн.

— А если Рэкеты лишатся пушки, что тогда?

— Тогда плевать все хотели на Рэкетов. Кто они без нее? Обычная Семья. С ней другие Семьи легко справятся.

— Тогда нужно уничтожить пушку.

— При такой-то ораве? — усмехнулся Лэн.

— Я же не прямо сейчас предлагаю. Вечером, как стемнеет. Или ночью.

— Это будет нелегко сделать. Во-первых, пушка охраняется, во-вторых, как утащить такую махину?

— Тащить ее никуда не надо. Достаточно вывести из строя. Как — я знаю. А насчет охраны — вот это нам поможет, — указала она на панер. — Это одно. А другое то, что тогда мы сможем спокойно уйти отсюда, не ожидая выстрела в спину.

Скрываясь за выступами стен и обломками, они следовали тайком за Рэкетами до самой базы. Лишь однажды испугались, что обнаружены, когда Рэкеты бросились врассыпную по кручам. Но это была всего лишь плешь. Доев неосторожного разведчика, она покружилась вокруг пушки, погрызла лохмотья свисавшей с ободов колес резины и отправилась восвояси. Рэкеты двинулись дальше.

Домом Рэкетов оказалось длинное здание с провалившейся крышей и полуразрушенными, как и повсюду, верхними этажами. Пушку подогнали под стену и там оставили. Ни охраны, ни сторожей. Рэкеты так уверовали в свою силу и страх, нагнанный на окружающих, что посчитали охрану пушки ненужной.

Когда стемнело, Лэн с Риит пробрались к пушке. Риит скрылась за ней. Лэн остался на страже, напряженно прислушиваясь к гомону, доносившемуся из Дома.

— Порядок! — сообщила, появившись, Риит. — Больше не выстрелит.

— Что это? — Лэн вертел в руках какую-то железку.

— Это такая штука, без которой пушка стрелять уже не сможет.

— Откуда ты знаешь?

— Так, — таинственно улыбнулась Риит. — Знаю и все.

Рассвет застал их на окраине Города. Не оглядываясь, уходили они все дальше и дальше. Оставаться в Городе было опасно. Рэкеты спохватятся и бросятся вдогонку. Или кто другой всадит стрелу меж ребер. О том, что в Городе появилась чарка, знают уже, наверно, все. Такие слухи расходятся по нему моментально. Потому любое промедление приближало опасность.

Погоню они обнаружили на подходе к Болоту. Услышав далекие, еле различимые крики, Лэн обернулся. С развалин Города скатывались маленькие фигурки и устремлялись за ними. Страх вернул утраченные силы и подтолкнул вперед, к спасительному Каньону. Риит бежала впереди, размахивая перед собой панером. Лэн, наступая ей на пятки, поторапливал, нервно

оглядываясь на каждом шагу.

Но усталость от бессонной ночи и подземных приключений брала свое. Ноги тяжелели с каждым шагом и отказывались слушаться, цепляясь за каждый бугорок и неровность почвы. Преследователи между тем приблизились уже настолько, что стали различимы искривленные в ярости лица. Пощады от них ждать не приходилось.

Спасло Болото. Коварная предательская пустошь, сгубившая не один десяток людей, на этот раз выручила их. Достигнув Болота, преследователи посоветовались и, не рискнув следовать по проложенному панером пути, пошли в обход, прощупывая почву копьями. Когда беглецы, миновав опасную местность, достигли Каньона, Рэкеты еще огибали Болото.

Спустившись в Каньон, Лэн остановился.

— Дальше я не пойду, — затравленно крикнул он.

Риит, уже ступившая в воду, обернулась.

— Не сходи с ума, Лэн! Они убьют тебя.

— Меня им не за что убивать. Уходи одна, спасайся.

Лэн кривил душой. Рэкеты убивали без разговоров и за более мелкую провинность. Но девушку надо спасти. Это человеческое создание было чуждо его жестокому кровожадному миру. Ее жертва не изменит его. Не место ей среди подобных ему. Пусть уходит в свой мир. А ему, Лэну, не привыкать. Умрет ли он сегодня или еще помучается несколько дней или лет в своей бессмысленной скотской жизни, — все равно.

Риит решительно вернулась.

— Тогда и я останусь, — став рядом с ним, она направила панер на вершину склона.

— Уходи, — скрипнул зубами Лэн, — Они убьют обоих.

— Только вдвоем, — в ее словах сквозило такое упорство, что Лэн понял, — она не уйдет. Умрет с ним рядом. И убеждать ее бесполезно.

— Но я не хочу в Океан! — простонал он. — Если честно, я боюсь Океана. Боюсь вас, чарок.

— Тогда умрем здесь.

— Ушли!

Толпа, появившаяся на гребне Каньона, недовольно взвыла. Склон был пуст. Зато посреди залива мелькали в волнах две головы. Лэн переборол свой страх перед водой и теперь плыл, судорожно вцепившись в поддерживающую его девушку. Ноги не ощущали под собой опоры. Ему казалось, что под ним разверзлась бездна и засасывает его в себя. Скрюченные в судороге пальцы скользили по гладкой упругой коже девушки, срывались. Он уходил с головой в соленую до горечи воду. В безумии барахтался в этой чужеродной, непригодной для жизни среде, отбиваясь от проходящих в кошмарных видениях жутких морских чудовищ. Особенно доставало какое-то существо, кругами ходившее вокруг его. Внешне похожее на жука, только размером с кулак, оно резво работало двумя рядами суставчатых лап или плавников. Намерения этой твари явно не походило на дружеские. Выныривая, чтобы хлебнуть немного воздуха, Лэн опять погружался в воду, торопливо отыскивал глазами движущийся силуэт и махал руками в попытке отогнать. Воздуха хватало ненадолго. А жук был в родной стихии. Поэтому для Лэна не оказалось неожиданностью, когда он почувствовал, что в рукаве кто-то шевелится. Судорожно задержавшись, он попытался выгнать его, раздавить или сделать еще что-нибудь, лишь бы избавиться от этой напасти. Но в результате до полубморочного состояния наглотался воды. Чьи-то сильные руки вытолкнули его на поверхность. Опять появилось небо и воздух, живительной струей

вливающийся в легкие. И опять пришла жизнь. Он плыл, словно в бреду, не соображая, куда плывет и зачем, не вслушиваясь в приходящие словно издалека успокаивающие слова Риит и только чувствуя ее уверенную поддержку.

Бредовый дурман, навеянный проглоченной им ядовитой морской водой, не отпустил и на берегу. Опираясь на Риит, он тупо брел вверх по склону, механически переставляя ноги. Достигнув вершины, Риит опустила его на землю и, тяжело дыша, упала рядом.

Придя в себя, Лэн огляделся. Каньон, уходящий вниз. Океан с мерцающей поверхностью там, далеко внизу. Лежащая рядом девушка. Обрывки мыслей мелькали в голове. Риит, убеждающая его ступить в воду... Зыбкий зеленый мир с какими-то свободно парящими серебристыми телами... Земля, качающаяся и плывущая под ногами...

Постепенно сознание прояснилось. Он вспомнил погоню, яростные лица Рэкетов, толпу, явственно вырисовывавшуюся на вершине. Лэн бросил взгляд вниз. Но ни там, ни на противоположной стороне никого не было. Ни единой человеческой фигуры. Единственное живое существо, человек — лежала рядом. Нет, не человек — чарка!

Лэн инстинктивно отодвинулся от девушки, но тут же застыдил. Риит — чарка, но что из этого? Разве не она уже неоднократно спасала его не только от всяких тварей — плешей, крыс, подземных выродков Тьмы, — но и от самих людей. Пусть она не человек, пусть живет в этом своем Океане, но она в большей степени человек, нежели все те, в окружении которых жил он все это время — Воклоты, Рэкеты и прочие. И Лэн не вправе осуждать ее за некоторые странности — перепонки между пальцами, к примеру, нежелание убивать живое существо, Океан, в котором она живет. Осуждать из-за того, что она не похожа на них, нормальных людей. С их звериными инстинктами. С их стремлением убивать всех вокруг.

Лэн протянул руку и вздрогнул от холодной неподвижности тела девушки. Память услужливо подсказала, что холодность тела — присущая особенность чарок, связанная, по-видимому, с их постоянным пребыванием в холодной воде Океана. Лэн затормозил девушку.

— Лэн! Ожил, — она открыла глаза. — А где Рэкеты?

— Никого нет. Ушли.

— Нет, не ушли. Когда мы выбрались на берег, они бросились в обход через Лес, — она сосредоточенно всматривалась в темнеющую вдаль полосу зарослей, — и могут появиться с минуты на минуту. Долго мы отдыхали?

Лэн пожал плечами.

— Надо уходить, — поднялась она, — иначе они нас настигнут.

— Нет! — содрогнулся Лэн, вспомнив кошмарное плавание. — В Океан я больше не пойду. Уходи сама. Я уж как-нибудь...

Риит удивленно глянула на него.

— А я не собираюсь опять в воду. Ты уже достаточно нахлебался. Пойдем, — она задумчиво поглядела вдаль, — пойдем туда.

Лэн проследил за ее взглядом и заметил в миле от них развалины. Те самые, из-за которых у него произошел конфликт с Кри. Несколько странные, как, впрочем, и окружающая их местность. Оплывшие, словно свечи, гротескные пики посреди черной, спекшейся от опалившего ее жара земли.

— Здесь когда-то располагалась военная база, — скупое пояснила Риит. — Бомба уничтожила все. Там до сих пор царит невидимая смерть.

— Зачем же идти туда, если там нас ждет смерть?

— Не везде. Радиация местами уже ослабла. Пробраться можно. Зато Рэкеты не осмелятся сунуться.

— А если не попроберемся? Здесь — смерть, там — тоже. — Лэн пожал плечами. — Не все ли равно, где ее встречать. Знаешь что, Риит, — поднял он голову, — хватит со мной возиться. Тебе есть, где жить. Вот и иди в свой Океан. А это земля моя. И мне как-то все равно, умру я здесь или там. Но перед смертью я постараюсь уложить парочку-другую Рэкетов.

— А мне не все равно. Во-первых, я просто не могу бросить тебя здесь одного. А во-вторых... — она нежно коснулась ладонью его щеки, но тут же отдернула руку и отвернулась. — Все, хватит болтать. Пошли! А вон и Рэкеты появились, — она указала на высыпавшие из Леса крошечные фигурки.

Сначала шла обычная каменистая земля. Затем почва изменилась. Все чаще пошли проплешины и целые участки спекшейся, глянцево поблескивающей поверхности. Словно по ней прошли огромной жаровней. Риит перешла на шаг, отрешенно смотря перед собой и прислушиваясь к чему-то внутри себя. Темп движения замедлился. Лэн все чаще оглядывался на замаячившие на изломе Каньона фигуры. Но, к его радости, Рэкеты не бросились за ними вдогонку. Сбившись толпой, они наблюдали за медленно передвигающейся по стеклянной поверхности обреченной группке. Рисковать жизнью им не хотелось. Но и уходить не собирались. Ждали, когда эти двое чудаков повернут назад, к ним в лапы.

Но Риит упорно продвигалась вперед, в маячившей уже в полумиле компактной группе строений. Причем путь ее был странен. Пройдя немного вперед, она вдруг сворачивала в сторону, а иногда даже возвращалась назад. И все это ради того, чтобы еще на несколько метров приблизиться к развалинам. Лэну не давала покоя застывшая в зловещем ожидании толпа преследователей и надоели беспорядочные метания Риит из стороны в сторону. Он ринулся напрямую, но был рывком отброшен назад.

— Иди за мной! — яростно прошипела Риит, — и не вздумай делать даже шага в сторону.

— Почему ты так идешь? Рэкеты вон стоят, ждут. А ты здесь выписываешь фигуры вместо того, чтобы бежать напрямую.

— Здесь вокруг остаточное излучение, — Риит поморщилась, недовольная тем, что приходится отвлекаться для объяснения этому олуху очевидных истин. — Повсюду много осколков от бомбы. Они излучают. Я же пытаюсь обойти их стороной, чтобы не попасть под облучение.

— Где они? Что-то я ни одного не вижу.

— Они не видны. Их просто надо чувствовать. А это я умею.

— Как? Научи меня. Тогда мы пойдем быстрее.

— Не получится. У нас развился орган, чувствующий радиацию. Этаким дозиметр. А у тебя такого нет. Так что иди сзади и не обгоняй. И не отвлекай меня. В этой мозаике разобраться непросто. А ошибку уже не исправишь.

Лэн отстал и покорно поплелся за девушкой, в очередной раз чувствуя свою ущербность. Да и как не чувствовать! В темноте видит, радиацию чувствует. Оружие у них, чарок, намного лучше и в то же время гуманнее.

Оплавленные обелиски приближались, но вместе с ними подступала странная усталость. В голове туманилось, навалилась сонливость. Лэну стало безразлично, идет ли он

к развалинам или возвращается к Рэкетам. Но маячившая перед ним фигурка, расплывающаяся, теряющая очертания, заставляла рефлекторно держаться за нее. Дальнейшее сохранилось в виде отдельных фрагментов. Шероховатая, оплавившаяся стена здания... Темная лестница, по которой он спускается, поддерживаемый Риит...

Очнулся он от больно ударившей в глаза вспышки. Свет шел от маленького белого шара, прилепившегося к потолку. словно маленькое солнце пробралось сюда и засияло. Лэн оказался в небольшой комнате. Белые гладкие стены. На них и на полу странные предметы. Сам он лежит на диковинной лежанке. Лэн пощупал ткань, укрывавшую ее. Намного тоньше и мягче той, которую ткали женщины его Семьи. И тюфяк набит не соломой, как обычно, а чем-то иным, мягким и упругим. Странное место. Лэн абсолютно не помнил, как очутился здесь. Он поднялся и стал бродить по комнате, разглядывая непонятные предметы. Назначение одних становились ясными сразу, другие так и остались загадкой. Квадратный деревянный предмет с плоской гладкой поверхностью на четырех ножках — это, по всей видимости, стол. Аналогичные, только поменьше и пониже — ля того, чтобы на них сидеть. Абсолютно расточительное использование дерева, которого бы хватило на приготовление не одного обеда. В Городе любая древесина шла только на изготовление оружия и на поддержание огня в очаге. Столом же служила большая бетонная плита. Стульев вообще не было. Для этой цели подходил любой обломок камня. Здесь же дерева не жалели. Им была отделана лежанка, из него были сделаны полки на стенах. Даже пол под ногами был, как ни странно, из древесины. Конечно, от этого он ровнее и не так холодит ноги, как шершавая бетонка в их бывшем Доме, но на сколько дней хватило бы всего этого богатства. Не пришлось бы лишний раз ходить в Каньон и собирать в Лесу сухую древесину. Каньон... Лес... Океан... Лэн вспомнил последние, насыщенные невероятными событиями дни. Землетрясение, разрушившее Дом. Океан, поглотивший Лес. Чарка, Рэкеты, драки и погони. Но почему он здесь и почему один? Где Риит? Лэн затравленно оглянулся. Выхода из комнаты не было. Он заперт, замурован навечно в этой камере! Вот так попался! Как хитро облапошила его чарка. Восстановила против Семьи, защищала, спасала от Рэкетов, всяких опасностей, а сама упорно вела к своей цели. Но только ли это дело рук одной Риит? Все последние события выстроились в одну цепочку. Землетрясение, гибель Дома, Леса, Семьи... Здесь кроется единая цель — нанести удар Городу. Стереть его вместе с жителями с лица Земли. Уничтожить последний оплот цивилизации. А стоят за всем этим они — чарки со своим Океаном. И, может, Лэн — единственный, кто остался в живых в настоящий момент из всего Города. Единственный представитель человечества на планете.

— Ну, нет! — взъярился Лэн. — Это вам так не пройдет! Всякая нечисть морская будет свои мерзкие лапы подымать на человека! — и он, схватив подвернувшийся под руку стул, начал крушить все вокруг. Развалился под ударами стол. Сыпались на пол полки со своим содержимым. С грохотом лопнул светильник, и все погрузилось в темноту.

Наступившая тьма навалилась на Лэна, осознавшего вдруг свою беспомощность, вытеснила хлеставшую через край ярость и вселила на ее место страх. Страх и бессилие. Бросив обломки, оставшиеся от стула, он забился в угол, скорчился, вжался в него как мог и затих. Темнота давила. Вдобавок к ней после грохота сокрушаемой мебели наступила тишина. Ни шороха, ни стука. Тишина покоя. Тишина смерти.

Лэн не знал, сколько он пробыл в оцепенении, беззащитный и бессильный. Наконец, он уловил еле слышимые далекие шаги. Кто-то приближался к камере, кто-то грозный и

беспощадный, создаваемый его воспаленным мозгом в образах жутких химер и чудищ. Со щупальцами, клешнями. Хвостатых и рогатых. Лэн был уже не в состоянии противиться року и покорно ждал.

В стене появилась узкая полоска света, расширилась и...

— О, море! — раздался возглас Риит. — Что здесь произошло? Лэн, где ты?

Она выволокла слабо сопротивляющееся жалкое существо из темной комнаты и затащила в соседнюю, в которой горел свет.

— Лежи и не брыкайся! — приказала она, укладывая его на кровать. — Ты болен. Нахватался все-таки радиации. Но ничего, я тут кое-что нашла. Быстро придешь в норму.

Она высыпала на стол ворох пакетов из принесенного с собой свертка и стала перебирать их.

— Вот это, пожалуй, подойдет, — она разорвала упаковку и насильно засыпала Лэну в рот горсть маленьких овальных шариков. — Глотай!

Он покорно проглотил, скривившись от горечи.

— А теперь лежи и не буянь, троглодит несчастный! — сказала Риит. — Я, пожалуй, тоже прилягу. С радиацией лучше не связываться, — она отсыпала себе таблеток и проглотила. — Если плохо будет, съешь еще несколько штук. Или позови меня. Я буду в соседней каюте.

Девушка вышла, оставив дверь незапертой. С кровати Лэн видел участок коридора, еще одну дверь. С удивлением он вдруг ощутил, что гнездившийся внутри страх исчез, и все домыслы, бередившие его разум насчет козней чарок, куда-то исчезли. Он закрыл глаза и глубоко, облегченно вздохнул.

— Что это с тобой? — спросила на следующий день Риит, взглядываясь в него. — На тебе лица нет.

— Не знаю, — отозвался непослушными губами Лэн. — Ничего не чувствую — ни рук, ни ног, ни лица.

Риит ткнула пальцем ему в щеку. Вмятина от пальца осталась.

— Не нравится мне это, — задумчиво протянула она. — К тебе в воде кто-нибудь цеплялся?

— Там жук какой-то был... Все в рукав норовил залезть.

Риит торопливо стянула с него куртку. На локте и предплечье левой руки гирляндами налипли желтые янтарные шарики.

— Это ксит, — сказала она. — Жук-наездник. Паразитирует на своей жертве. Цепляется к ней, впивается в тело и плавает вместе с ним, одновременно питаясь, пока жертва не погибает. — Она бесцеремонно обследовала тело Лэна. — Нет, в тебя не впился. Зато яйца отложил. Это тоже опасно. Личинки проникают в тело и живут там, питаясь им.

Она вытащила нож и принялась соскребать икринки.

— Больно?

— Нет, — ответил Лэн. — Рука совсем онемела, ничего не чувствует.

— Плохо, — она заторопилась. — И что я, дура, вчера не проверила!

Икринки отставали легко. Но в некоторых местах из ранок вместо крови потекла тоненькими струйками мутная желтоватая жидкость.

— Уже проникли. Но это не страшно. У меня есть антидот. Мигом всех выведет.

Она порылась в поясе и заставила Лэна проглотить несколько маленьких капсул.

— Теперь порядок. Ничего не бойся. Онемение распространится на все тело, и даже

будет так... — она уцепилась пальцами за кожу на руке, оттянула ее и завернула. Кожа и мышцы остались в таком же положении, словно были вылеплены из глины.

— Так будет со всем телом. Особенно шокирует лицо. Но это пройдет через пару часов. Терпи.

Болезнь отступила быстро. Спустя несколько дней Лэн уже занимался обследованием места, где он очутился. Это действительно была База — настоящий город в несколько этажей, с множеством помещений, залов и коридоров. Наземные постройки были уничтожены взрывом бомбы, но бункер остался нетронутым и даже незараженным всепроницающей радиацией. Риит, оказывается, была здесь уже несколько раз и теперь уверенно ориентировалась в анфиладе помещений и различных непонятных устройствах.

— Эта База, — рассказывала она, — предназначалась для запуска межконтинентальных баллистических ракет, используемых в войнах нашими далекими предками. Напичкана оборудованием и продовольствием, которого нам с тобой хватило бы не на один десяток лет. Здесь сохранилась отличная библиотека, с которой тебе обязательно надо ознакомиться. Есть также много такого, без чего не могли обойтись предки, но вы обходитесь спокойно. Правда, и образ жизни ваш разительно отличается от должного. Так что, если хочешь выйти из первобытного состояния, в котором вы сейчас находитесь, то нужно приложить много сил и терпения. А для начала нужно сделать из тебя какое-то подобие цивилизованного человека, — и она потащила его в ванну. Впервые в жизни Лэн мылся в горячей воде с мылом. После ванны она остригла его и научила пользоваться бритвой. Вместо грязной заскорузлой хламиды Лэн облачился в костюм из мягкой и удобной, не сковывающей движений ткани. Когда после всех процедур Лэн глянул на себя в зеркало, то в первый момент шарахнулся в сторону. Так разительно отличался от него человек за стеклом.

Затем начался тяжелый этап — обучение грамоте. Лэну однажды довелось увидеть Книгу. Ее нашел в развалинах кто-то из Воклотов. Воклот-старший тут же заграбастал ее и поменял у Хьюстов на самку для себя. Книга очень ценилась. Не из-за того, что в ней были начертаны какие-то непонятные знаки, а из-за своей способности к возгоранию. С ее помощью можно было легко и быстро разжечь огонь в любых условиях. И нет ничего удивительного, что Лэну стало дурно от обилия книг, увиденных им в библиотеке. Риит сразу остудила его пыл. Книги дороже всего, что имеется на Базе. В них заложен мощный потенциал знаний. Достаточно даже десятой части, чтобы вывести Город из первобытного состояния или неосторожно уничтожить. Она сидела с Лэном до тех пор, пока непонятные закорючки перестали прыгать у него перед глазами и стали складываться в осмысленные слова и фразы. Последующие дни Лэн безвылазно проводил в библиотеке, забыв обо всем на свете и погрузившись в иной мир. Мир Предков. Фантастический мир. Перед ним оживали сказки и легенды, рассказанные когда-то дядюшкой Сэдом. Зеленые острова. Летающие механизмы. Машины, движущиеся по специально проложенным дорогам и асфальту, плывущие по Океану. Все, что считалось вымыслом, вдруг ожило и оказалось существовавшим когда-то на самом деле. Лэн чувствовал, что все это можно вернуть. И он сделает это! Вернет своим братьям утерянное их нерадивыми Предками достояние. И он с новой силой углублялся в чтение, отрешаясь от всего. Риит немалых трудов стоило оторвать его от книги и заставить поесть или отдохнуть.

Постепенно объем знаний Лэна возрос. Теперь он читал выборочно, отдавая предпочтение технике. И все чаще бродил по отсекам Базы, стараясь вникнуть и понять

любое встреченное им устройство, механизм или прибор. Теперь уже иногда не Риит ему, а он ей объяснял назначение и устройство того или иного прибора. Или же они вдвоем пытались разобраться в непонятном механизме. В ходе этого уединения вдвоем Лэн неожиданно для себя осознал, что он чаще, чем нужно, и совсем по-другому, не как водилось в Семье Воклотов, думает о девушке. Он мог бы схватить ее, ударить, бросить на землю и сделать с ней все, что пожелает, но... не мог. Что-то внутри противилось этому. Ее ли неприступность или то, что она — чарка. Вернее всего, то бремя знаний, обрушившихся на него из прочитанных книг, заставляло его по-иному взглянуть на отношения мужчины и женщины. Не в силах ни сказать что-либо мгновенно коснеющим языком, ни сделать что-нибудь, он однажды буркнул за столом:

— Я хочу, чтобы ты родила мне ребенка.

Риит вскинула удивленные глаза и порозовела.

— Я тоже хотела бы этого, — помедлив, вымолвила она, — но...

— Что «но»? — осмелел Лэн.

— Это невозможно.

— Почему? — не унимался он. — Потому, что ты — чарка, а я нет?

Риит кивнула головой, сосредоточенно поглощая пищу.

— Ну и что из этого? Пусть между нами есть различия. Но ты и я — мы оба люди. Оба относимся к одному виду. И у нас могут быть дети. К тому же я люблю тебя! — последние слова, неожиданные даже для него самого, Лэн почти выкрикнул. От его слов, от такого напора Риит согнулась, почти уткнувшись в тарелку.

— Я тебя тоже люблю. Хоть ты и такой странный, — тихо произнесла она. — Но пойми другое, — она вскинула голову, и Лэн прочитал в ее глазах боль. — Наш ребенок, что вполне вероятно, будет в чем-то похож на нас, но в чем-то нет. Этого предугадать невозможно. Может получиться так, что он не сможет жить в Океане. Бросить его я не смогу. Придется навсегда расстаться с родиной, Океаном. А я без воды жить не могу.

— Как же нам быть? — упавшим голосом произнес Лэн. — Я хочу быть с тобой. Не хочу тебя терять. Я понимаю, что это невозможно. Но я ничего не могу с собой поделать.

— Позволь мне решить это.

И Риит решила. Однажды ночью она пришла к нему и осталась. И жизнь наполнилась для них новым смыслом. Они старались не думать о том, что будет завтра. Что неизбежно придет разлука. И от этого еще неистовее была их любовь.

И разлука пришла. Риит уплывала и надолго. Это было как-то связано с сезоном, — е тонкости она не вдавалась. Вообще она мало рассказывала о себе. Единственное, что узнал Лэн, это то, что живут чарки на островах далеко в Океане, что Риит — археолог, то есть она изучает древние цивилизации.

— Когда-то давным-давно, — рассказывала Риит, — на Земле существовала мощная цивилизация. Люди заселили всю сушу и начали осваивать не только Океан, но и космос. Моря и океаны бороздили корабли, а в их глубинах — подводные лодки и батискафы. В небе летали самолеты, а еще выше, за небом — космические корабли. В то время жил один человек по имени Чарков. Он создал теорию, согласно которой человек более приспособлен жить в воде, чем на суше. Организовал группу людей, которые решились испытать эту теорию. Дети этих людей рождались в воде и с первых минут жизни находились в ней. Это благоприятным образом сказалось на них. Они были крепче и здоровее своих сухопутных братьев не только физически, но и умственно. Организм их легко и быстро приспособился к

водной среде.

Чем бы это кончилось — неизвестно. Возможно, со временем все люди переселились бы в Океан. Но времена были беспокойные. Человек так неосмотрительно пользовался своими технологиями и загубил природу настолько, что и сам не мог уже нормально существовать. Перенаселение, голод, болезни, экологические катастрофы, волна межнациональной вражды, взявшаяся неведомо откуда и прокатившаяся по всей планете, потрясли основы всей цивилизации. Начались войны. Люди уничтожали друг друга словно звери. Не задумываясь о причинах и последствиях. Используя любое оружие, вплоть до ядерного. Естественно, Земля тоже возмутилась, начала тушить беспокойные районы, насылая на них природные катаклизмы — землетрясения, ураганы, наводнения. Чтобы уничтожить источник опасности — самого человека. Причины и следствия этих процессов сейчас уже невозможно понять. Но в результате земля, воздух, вода оказались отравленными, технологии — разрушенными. Озоновый щит планеты разрушился. Потоки радиации хлынули на землю, уничтожая все живое. Погибли все — животные, растения, люди, их цивилизация. Кое-где еще сохранились крохотные островки разума наподобие вашего Города, но и те влачат жалкое существование, скатываются к первобытному состоянию, вырождаются. И только чарки, которые приспособились жить в воде, выжили и сохранили знания. Они ушли в Океан, создали свою культуру. Морская вода спасла их от жесткого излучения солнца. Осколки бомб не долетели до них. Токсичные вещества и яды растворились в воде и обезвредились живущими в Океане микроорганизмами. Конечно, среда обитания сказалась. У нас образовались перепонки между пальцами рук и ног, чтобы легче было передвигаться в воде. Мы можем видеть в морских глубинах. Мы остались теми же людьми, хотя многое от былой цивилизации нам не нужно — ни техника, ни орудия убийства. Взяв только самое необходимое, мы приспособились в остальном к Океану и не испытываем сейчас нужды в чем-либо земном.

— Зачем же ты тогда изучаешь цивилизацию Предков? — возразил Лэн.

— Мы стараемся найти и сохранить все для потомков. И не только сохранить. Осмыслить причины катастрофы. Определить, какие секреты раскрывать потомкам, какие — нет. Мы не хотим, чтобы история повторилась.

— Каких потомков? Своих? Или других, чьи отцы и деды влачат сейчас полуголодное существование в подвалах разрушенных городов?

— Извини, Лэн, — Риит замялась, — как ни горько говорить это тебе. У вас, живущих на суше, будущего нет. Рано или поздно такие Города разрушатся совсем. Жители их вымрут или истребят друг друга. Вы не очень далеко отошли от своего прародителя — зверя. Животное начало превалирует в вас. Для человека неестественно убивать. Вы же по-иному не можете. Поэтому будущее за морской расой человечества.

— Нет, неправда! — горечь несправедливости захлестнула Лэна. — Этого не может, не должно быть!

— Пойми, — увещевала его Риит, — нельзя давать вам в руки цивилизованные технологии. Вы их обратите опять друг против друга. К чему это приведет, тебе объяснять не надо.

— Но должен быть какой-то выход, — не унимался Лэн. — Ты же сама говорила, что не бывает безвыходных ситуаций.

— Но из этой выхода я не вижу. Может, со временем люди поймут, что любить друг друга — естественное состояние. Тогда можно будет прийти к ним на помощь. Боюсь, —

она вздохнула, — что и тебе эти знания пойдут не впрок. Ты только ускоришь гибель Города. Об одном прошу, — не пользуйся ими, пока не будешь абсолютно уверен, что поступаешь правильно.

— Ты так говоришь, — огорчился Лэн, — будто видишь меня в последний раз.

Хотя между ними все было обговорено не раз, но он неизменно возвращался к моменту предстоящей разлуки. Риит обещала вернуться, но Лэн чувствовал, что она уходит. И уходит навсегда. Даже если она и вернется, это будет уже не та Риит. Которую он знал. С которой проводил незабываемые ночи. С которой делился всем сокровенным. Побывав среди своих, она поймет, что ей не место рядом с ним. Как и ему с ней. Это неизбежно.

Риит ушла. И с ней ушло спокойствие. Проводив ее наружу, — дальше она не позволила из-за опасности облучения, — Лэн вернулся в бункер. С неожиданной ясностью он понял, что больше не может пробыть здесь ни дня. Стены и потолок давили на него. Пустынные помещения и коридоры, некогда наполненные звуками ее голоса, угрюмо молчали. Книги, еще вчера так нужные ему, теперь валялись из рук. Глаза уже не желали пробегать по строчкам букв. Не место ему здесь одному. Такое одиночество может свести с ума.

Лэн стал готовиться к уходу. Не просто к уходу, бегству. Он вернется в Город. Идти ему все равно больше некуда. Но вернется он не согбенным просителем с понуро опущенной головой. Он должен войти в Город победителем, перед которым покорно склонят головы все — и Воклоты, и Хэнсомы. И даже Рэкеты. А для этого нужно вооружиться. Не только вооружиться по образу и подобию своих братьев, но превзойти их. Рэкеты держали в страхе Город своей пушкой. Лэн выберет что-нибудь аналогичное или даже превосходящее по мощи пушку. То, что он встречал в ангарах Базы — танки, тягачи, артиллерийские и ракетные установки, — превосходило пушчонку Рэкетов во много раз. Рядом с ними она выглядела пигмеем, безобидной хлопушкой.

Лэн представил, как он въезжает в Город на танке. Рассыпаются и бегут в страхе люди. Сам Рэкет склоняет свою голову. Но тут перед ним всплыли слова Риит о том, что он должен соизмерять каждый свой шаг, чтобы не ускорить гибель Города.

— Нет, — пробормотал он, — все правильно. Иначе как заставить их смириться и не грозить другим своей пушкой. — Это будет только начальный, необходимый шаг, чтобы сломить сопротивление Рэкетов. В дальнейшем он откажется от угроз и методов порабощения. И тогда все жители Города, все Семьи объединятся и станут жить мирно и дружно. Сообща выращивать хлеб, разводить скот.

— А не захочется ли тебе самому стать Хозяином, Главой, но не отдельной Семьи, а всего Города? — шевельнулся в груди червь сомнения.

— Нет, — отогнал эту мысль Лэн, — этого я делать не стану. Не хочу. Люди должны стать свободными.

Но червь не отступал. Лишь затаился внутри. Лэн все чаще ловил себя на этой мысли.

— Может, так и нужно, — убеждал он себя. — Людьями должен кто-то руководить, командовать. Иначе они превратятся в неуправляемое стадо и разбегутся кто куда. Да и Предки так жили, а значит, это было необходимо.

Мысль приходила и уходила. Слова Риит вносили смуту. Лэн отбрасывал мысль, чтобы в следующий момент поймать себя на том, что опять размышляет об этом. Решение не приходило. Наконец Лэн остановился на том, что время укажет верный путь.

Для борьбы с Рэкетами как нельзя лучше подходил танк — громадный механический монстр, оборудованный пушкой, пулеметами и ракетной установкой. Его металлические

гусеницы будут не по зубам черной плеси и смогут одолеть любые завалы. Но танку требовалась obsлуга из нескольких человек. Лэну в одиночку с ним не справиться. Поколебавшись, он выбрал другую машину, поменьше. Юркая, оборудованная небольшой пушкой и пулеметом, тоже на гусеничном ходу, она вдобавок имела вместительный грузовой отсек. Туда Лэн сложил необходимое для путешествия топливо, вещи и припасы.

И однажды спекшаяся поверхность у обелисков дрогнула, покрылась трещинами и, натужено взыв, разверзла темную пасть. Из ее недр выбралось на дневной свет забытое уже в этом мире механическое чудовище.

Тот извилистый путь, которым они с Риит прошли сюда, Лэн не помнил и, не раздумывая, направил танкетку напрямую к Каньону. Защитная броня машины должна была защитить его от радиации. В противном случае помогут предусмотрительно захваченные пилюли.

Танкетку трясло. В узкую щель бойницы влетало то небо с застывшими редкими облачками, то это же самое небо, но сероватого оттенка, придаваемого ему зеркальной поверхностью оплавленной почвы. Лэну, освоившему вождение только теоретически по учебникам, с трудом удавалось выхватить из этого обилия небес реальный клочок земли. И когда перед ним неожиданно разверзлась пропасть Каньона, он еле успел затормозить.

Побледневший Лэн вывалился из машины. Танкетка, зарывшись траками в грунт, замерла перед самым склоном. Промедли он секунду, — и она рухнула бы вниз. На этом бы и закончилась его эпопея. Лэн опустилсЯ на землю и задумался, куда направить танкетку теперь. Можно было бы рискнуть — авось, и повезет, — и спуститься осторожно на тормозах по склону вниз, но... Он не учел еще одно препятствие — Океан. Разлившееся на дне Каньона море не пропустит машину. Засосет со всеми потрохами, и следа от нее не останется. А без машины вся затея обречена.

Солнце поднялось к зениту, когда Лэн, стряхнув оцепенение, поднялся. Забравшись в танкетку, он развернул ее и двинулся вдоль Каньона. Туда, где темнела, дробясь и исчезая в жарком мареве горизонта, узкая полоска Леса. Подальше от Океана. Вглубь континента. Там, может быть, удастся найти пологий склон, по которому можно спуститься вниз и пересечь Каньон. Там не станет препятствием на пути Океан. Пугала неизвестность. В тех землях не бывал еще никто. Какие напасти ждут его на этом неизведанном пути? Удастся ли благополучно миновать те земли? В другое время Лэн ни за что бы не решился на такой шаг. Но теперь у него была танкетка — несокрушимое оружие, от которого разбегутся и люди, и звери. Топлива хватало, — в грузовом отсеке наряду с продуктами, оружием и боеприпасами грохотало с десятков полных канистр. А чтобы не искушать судьбу и не свалиться в следующий раз с обрыва, он, повозившись немного, откинул переднюю заслонку. Теперь вместо узкой щели перед ним было широкое окно, через которое он мог свободно обозревать открывавшуюся перед ним панораму. Ветер, врываясь в окно, обдувал салон и охлаждал нагретый солнцем металл.

Океан остался позади. Пошел нетронутый Лес. Склоны Каньона, как ни всматривался Лэн, были все также опасно круты. Рисковать не хотелось. Машина, нарушая своим урчанием вековую тишину здешних мест, мчалась вперед, отматывая километр за километром. Вокруг расстилалась однообразная холмистая равнина. Ни деревьев, ни кустов, лишь редкая серая трава. Изредка возникали и таяли в дымке далекие развалины, говорившие о царившей здесь некогда жизни. Но развалины не привлекали Лэна. У него была своя цель — Город.

Лэн не сразу заметил произошедшую перемену. На каком-то отрезке пути стены Каньона вдруг разошлись, и сейчас противоположный склон виднелся очень далеко, теряясь в туманной дымке. А внизу вместо узкой лощины расстилалась широкая долина, полностью занятая Лесом. Море колышущейся зелени без конца и края, с синеватым зеркалом озера посередине. Контраст между голой, лишенной растительности равниной наверху и покрытой обильным сплошным покровом долиной был настолько резким, что Лэн непроизвольно затормозил.

Громадный неиссякаемый источник жизни, чудом сохранившийся в погибающем мире, темнел внизу. Невзирая на катаклизмы, потрясавшие планету, он рос и жил, казалось, вечно. Что в сравнении с ним Лес, которым владели Воклоты и даже весь Город? Жалкий клочок чахлой, изможденной, выродившейся растительности. Этот же, могучий, нетронутый невзгодами, сиял во всей своей красе и мощи. Чутьочку даже неестественный, чисто зеленый, без всякой примеси синевы и красноты.

Лэну захотелось немедля спуститься вниз и окунуться в океан зелени. Выбрав наиболее пологий участок склона, он направил машину вниз. Завывая на оборотах, скатываясь с оползнями, заваливаясь то вправо, то влево, машина медленно скатывалась по склону. В грузовом отсеке грохотали канистры. Наконец, благополучно достигнув первых зарослей, танкетка замерла. Лэн, мокрый от пота, выполз из кабины и рухнул обессиленный на землю.

Ему повезло. Для настоящего хозяина танкетки этот путь, возможно, показался бы пустяковым. Для Лэна, впервые взявшегося за рычаги и не умевшего толком обращаться с машиной, он мог оказаться последним. Но Лэн остался жив. И даже довел машину неповрежденной до дна Каньона! Лэн невольно поблагодарил Предков, незримо присутствовавших рядом с ним в этом опасном спуске.

Отдышавшись, Лэн поднялся и углубился в Лес, зачарованно разглядывая все вокруг. Да, ему сверху не показалось. Листва деревьев была действительно чистого зеленого цвета, без всяких примесей, так естественных для Лэна ранее и так неестественно выглядевших сейчас, рядом с настоящим Лесом. Деревья разительно отличались от их, Воклотовских. Высокие могучие, в обхват и даже толще, с ровной правильной кроной, они были несоизмеримо краше и здоровее чахлых, покореженных деревьев их Леса. И к тому же многообразнее. Лэн дотронулся до ветки, покрытой не обычными листьями, а какими-то колючими иголками, и отдернул, уколовшись. Да это же ель или сосна! — вспомнил он вычитанное из книг.

— Вот ты какой! — благоговейно прошептал он. — Настоящий Лес.

И тут ему в голову проникли звуки. Писки, крики, трели, наполнявшие Лес.

— Птицы? — удивленно воскликнул он. — Неужели это правда?

Действительно, вверху, в кронах деревьев мелькала какая-то живность. Прыгала с ветки на ветку, перелетала с дерева на дерево, гомоня при этом.

— Птицы!

Лэну захотелось посмотреть поближе на эти странные невиданные существа, умеющие летать. Но птицы были недосыгаемы, порхая в вышине. Ему пришлось ограничиться наблюдением за ними, их суетой, полетами.

Так продолжалось бы долго. Если бы не резкая боль в руке не вернула его к действительности. Словно кто-то вонзил ему в руку иголку. Лэн поднес руку к глазам и обнаружил микроскопическое существо, пристроившееся на ней. Маленькое хилое тельце на тонких хрупких ножках, хоботок, воткнувшийся в кожу, брюшко, набухающее кровью, высасываемой из руки. И крылья! Тонкие прозрачные лепестки. Это с их помощью существо

летает по воздуху? Вот они какие, птицы!

Существо, насосавшись крови, оторвалось от руки и тяжело полетело в заросли. Проследив за ним, пока оно не затерялось в листве, Лэн опять обратился к кронам деревьев. Там, вверху птицы крупнее. Значит, и крови выпьют больше. Нет, этот Лес опасен! Или же это кровоядное существо не является птицей. Во всяком случае в книгах он ни разу не нашел упоминания о том, что птицы питаются человеческой кровью. Только зерном, травой, плодами. С этим он разберется позднее, — решил Лэн. — А сейчас надо двигаться дальше.

Недовольно урча, танкетка медленно пробиралась сквозь Лес. Густые дебри, по которым веками не ступала нога человека, не желали пропускать. Деревья-гиганты вставали на пути. Лэну вновь и вновь приходилось пятиться назад, рыскать из стороны в сторону в поисках прохода. Медленно, но упорно машина продвигалась вперед. И только плотно сжатые губы на побледневшем лице Лэна выдавали его муку. Он губил Лес! Тысячи растений, измочаленные и втоптаные гусеницами в землю, оставались за ним. Сломанные деревья, ободранные корпусом стволы. Человек, нанесший урон Лесу, — преступник! Это Лэн усвоил с детства. И вот он совершает святотатство. Простит ли ему это Лес? Поймет ли? Ведь ему во что бы то ни стало необходимо перебраться на другую сторону Каньона. Лэн старался не думать о том, что оставалось позади.

Сумерки застигли, когда машина, продравшись сквозь заросли, выбралась на узкую, лишенную растительности косу озера. В темноте можно было окончательно заблудиться в лесном буреломе. Лэн решил заночевать на берегу, хотя до сих пор не доверял воде, будь то морская или озерная. Но здесь было единственное чистое от зарослей место. При последних отблесках уходящего дня набрал валежника, развел костер и приготовил из концентратов нехитрый ужин.

Костер ярко пылал, потрескивая и бросая в темное небо горстями искры, соперничающие с блеском звезд, усеявших небо. Темная стена Леса, озаряемая красноватыми отблесками костра, загадочно и враждебно шумела. И костер, и существо рядом с ним, и машина с неприятным запахом перегретого масла и металла являлись чужеродными, не принадлежащими этому миру. Лэн чувствовал это, и неприятный холодок, несмотря на жар костра, холодил его изнутри. Он явился сюда незванным пришельцем. Примет ли его Лес, позволит спокойно переночевать и пересечь после того, что натворила машина? Лэн надеялся, что все обойдется благополучно. После всего, что он узнал из книг. Лес уже не был для него загадочным существом. Как впрочем, и озеро, да и сам Океан с чарками. Чарки... Риит... Где она? Вспоминает ли о нем? Или же он просто еще один из эпизодов ее жизни? Сердце неприятно защемило. Во всяком случае, Риит для него никогда не будет таким эпизодом. Пройдет год, два, пусть даже вечность, но он найдет ее! Как? — Лэн об этом не задумывался. Океан безграничен. А кто он? Жалкое сухопутное существо, козявка в мироздании. Но отказываться от своей цели, от Риит Лэн не желал. Рано или поздно, но он найдет ее. И никогда больше не отпустит от себя.

Лэн подбросил дров в затухающий костер и опять зачарованно уставился на жадно лижущее сухие ветки пламя.

Рано или поздно, но он найдет Риит. А что дальше? Влачить жалкое получеловеческое полужвериное существование в Городе среди Воклотов, Рэкетов и им подобных он уже не сможет. Перестроить свой организм и влиться в цивилизацию чарок физически невозможно. Придется остаться одному со своими знаниями, никому не нужными в этом мире. Одному как больному псу скитаться по миру на своей грозной машине. Или же обосноваться на Базе

и доживать свой век в комфорте среди книг и удобств. Не зная забот. Не задумываясь о жизни. О мире, катящемся в пропасть.

Но что тогда зовет его в Город? Заставляет бросить комфорт и мчаться неизвестно зачем к сородичам, которые встретят его копьем и стрелой? Жажда мести? Желание въехать на грохочущем чудище и расстрелять из орудия как бешеных собак Рэкетов? А остальных поставить на колени. И царствовать? — Нет! Тогда что? Может, нетерпеливое желание познакомиться других с утерянными и вновь приобретенными знаниями? Что значат эти знания для одного человека? Ничто. Они исчезнут вместе с его смертью. Но если приобщить к ним возможно большее число людей, научит их жить по-новому, не так, как живут они сейчас, а так, как жили раньше. Тогда и всем станет легче. И жизнь будет легче. И цивилизация, возможно, возродится. Пусть не такая, какая существовала раньше, во времена Предков. Пусть искаженная, приспособленная к нынешним условиям, но все-таки цивилизация. И тогда... Тогда можно связаться с чарками, заключить какой-то договор с ними. Наладить контакты, помощь. Они пойдут на это. Ведь это не просто помощь. Это взаимная попытка выжить в этом свихнувшемся мире. Выжить и возродиться. А если будут контакты, то тогда и Риит...

Подозрительный звук, раздавшийся из темноты, оторвал его от раздумий. Лэн вскинул голову и тревожно уставился во тьму. Когда глаза привыкли к темноте, он различил невдалеке силуэт какого-то зверя, склонившегося к воде. Разглядеть того подробно было невозможно, но внушительные размеры зверя говорили о его первобытной силе и мощи. Человек, имевший дело только с кошками, собаками и крысами, не имел ни единого шанса на победу. Лэн застыл. Лишь бы зверь не заметил его, ушел восвояси. Проклятый костер! Освещает его так, что зверь неминуемо заметит. Набросится. Лэну не выстоять! И автомат как назло, остался в кабине.

Напившись, зверь поднял голову. Блеснули зелеными фонарями глаза, хриплый рык нарушил ночь. Заметил! Лэн медленно попятился к машине в надежде юркнуть в люк быстрее, чем зверь обрушится на него и разорвет на части.

Либо зверь посчитал его недостойным внимания, либо его остановил огонь костра. Помедлив немного, зверь повернулся и бесшумно скрылся в зарослях. Лэн облегченно вздохнул. Пронесло! Но оставаться на открытом пространстве и искушать судьбу еще раз не стоило. Поспешно затушив костер, он забрался в кабину. Здесь хоть и тесновато, но зато безопасно. Неизвестно, какие еще звери затаились в прибрежных зарослях и озерных глубинах.

Лишь к вечеру следующего дня ему удалось пересечь Лес. Взбираться по крутому склону оказалось легче, чем спускаться, но иногда Лэну казалось, что еще миг — и накренившаяся танкетка завалится и сорвется вниз. Но все обошлось. Машина выползла на ровное место, и надсадный рев двигателя сменился ровным урчанием. Лэн вылез из кабины, чтобы дать ему остыть и самому отдохнуть. Он долго разглядывал Каньон, Лес внизу, теряющиеся в дымке дали, в который раз удивляясь могуществу природы, создавшей и сохранившей такое чудо. Он вернется сюда. Непременно вернется. А пока... Лэн забрался в машину и тронул рычаги. Домой, в Город!

В Город он въехал на рассвете. Туман, лениво струящийся между зданиями и спящий в низинах, еще не рассеялся. Проснувшиеся жители еще не рисковали выбираться наружу. Газуя без особой необходимости, оглашая окрестности звуковой сиреной, включив все фары,

чтобы произвести большой эффект, Лэн вел машину к центру, к Рэкетам. Двинувшаяся навстречу черная плешь ошметками разлетелась из-под гусениц. То же ждет всякого, кто осмелится заступить дорогу ему, Лэну. Завалы по бокам дороги были пустынные, но он знал, что сейчас там затаились его бывшие соседи, сограждане. Со страхом взирают они на ужасного монстра, с грохотом и лязгомдвигающегося вниз. Его монстра, прирученного и подвластного только ему. Непобедимого монстра, с помощью которого Лэн отомстит всем своим обидчикам — и Рэкетам, и Воклотам, если кто еще остался жив, и... В общем, всем, кто словом или даже просто взглядом выкажет непочтение ему, всеильному и непобедимому Лэну.

Вот и Дом Рэкетов. Пушка, притулившаяся у стены. Лэн усмехнулся, вспомнив былой страх и почтение, внушаемое ранее этой жалкой невзрачной железкой. Теперь у него в распоряжении находились такие мощные орудия уничтожения, которые во много раз превосходили ее и все виденное и слышанное вместе взятые.

Остановив машину на небольшом возвышении, он неумело скорректировал наводку своей пушки, нацелив на эту телегу с обглоданными плешью колесами, и нажал на спуск. С действием пушки Лэн был знаком чисто теоретически, по книгам. Поэтому результат даже превзошел все его ожидания. От раздавшегося грохота он оглох, ослеп и потерял всякую способность мыслить. Лишь в памяти сохранился дымный след, метнувшийся к зданию, пламя и дым намного выше пушки и медленно оседающая в облако пыли стена.

Когда он пришел в себя, пыль уже осела, хотя еще стелилась понизу плотным облаком. Лэн откинул люк и закричал:

— Рэкет, выходи!

В ответ было молчание. Ни криков, ни мелькания в проемах окон теней, ни малейшего движения. Дом затаился.

— Рэкет! — заорал Лэн, чувствуя, как звериная ярость подкрадывается и овладевает сознанием. — Рэкет, ты меня слышишь!? Выходи, или я разнесу вдребезги твой Дом и тебя вместе с ним. Считаю до трех и стреляю. Раз!

При счете «два» из тени дверей выступила фигура и, спотыкаясь и пошатываясь, направилась к нему.

— Ты кто? — крикнул Лэн, когда человек приблизился. — Ты не Рэкет. Где он? Мне нужен Рэкет!

— Нет Рэкета, — отозвался тот. — Убили его.

— Кто? Когда?

— Дней десять назад. Во время набега на Севров.

— Что, Севры сильнее оказались? — удивился Лэн.

— Сильнее! — невесело усмехнулся говоривший. — Дали бы им жару, кабы пушка не подвела.

— Пушка? А-а, ну да! — рассмеялся Лэн. — Стрелять отказалась, верно?

— Ты откуда знаешь? — в глазах противника блеснула догадка. — Постой, ты — Лэн Воклот?

Лэн кивнул головой.

— Живой, значит, — в словах говорившего слышалось сожаление и упрек. Будто Лэн поступил нечестно, оставшись в живых.

— Как видишь.

— А чарка где?

— Домой ушла.

— В Океан?

— Да.

— Пушку нашу вы с чаркой сломали?

— Эта рухлядь мешала всем жить. С ней вы вволю пограбили горожан. А теперь, без нес-тьфу! — сплюнул Лэн, — пустое место. Теперь без нее вы, наверно, не особо рыпаетесь. Теперь в Городе порядок.

— Порядок!? — противник грохнул в ярости кулаком по металлу. — Где ты видишь порядок? Раньше мы держали Город в кулаке. Тогда был порядок. Все нам подчинялись и не очень-то грызлись между собой. А теперь? Хэнсомы воюют с Бакстами, Картлы — с Дивинами. А Севры настолько обнаглели после нашего разгрома, что захватили уже полгорода, перебив половину Семей. Требуют остальных подчиниться, иначе всех непокорных уничтожат. Вот такие дела творятся сейчас по твоей милости.

Лэн притих. Таких последствий своих поступков он не ожидал. Думал, — ослабнут Рэкеты, поубавится у них сил — и тогда будет спокойнее, стабильнее. А вон оно как вышло. Воевали Семьи между собой всегда — за женщин, за скот, за поля и пищу. Рэкеты были при этом сдерживающим фактором. Они не только довольствовались грабежом, чтобы существовать самим, но и придерживали, не давали зарываться другим Семьям. Не позволяли кому-то возвыситься и обрести силу над остальными. Не стало Рэкетов, — не стало сдерживающего фактора. Нарушилась стабильность общества. Теперь каждая Семья стремилась захватить лучшие пастбища и поля, скот и женщин, поработить соседей. Идет война. Но победителей в этой войне не будет. Люди истребят друг друга. Таковы последствия его необдуманных действий. Не зря Риит предупреждала. Не зря советовала просчитывать каждый свой шаг.

— Ты кто? — угрюмо спросил он. — Как зовут?

— Чэд. Рэкет-старший в настоящее время.

— Много вас?

— Было двенадцать. Сейчас не знаю, — Чэд оглянулся на разрушенный угол Дома. — Там несколько человек было.

— Хорошо. Иди, — Лэн усмехнулся, поймав недоверчивый взгляд Рэкета. — Не бойся, стрелять не буду. Мне нужно подумать. Встретимся завтра.

Потоптавшись, Чэд нерешительно направился к дому, искоса оглядываясь на застывшую машину.

— Эй, Чэд! — крикнул вдогонку Лэн. — Кто-нибудь из моих остался в живых?

— Не знаю, — отозвался тот. — Может, в каких-нибудь Семьях и есть. А Шона Рэкет в тот день...

Весь день и последующую ночь машина простояла неподвижно, с задраенными люками, притихшая, словно умершая. Осмелевшие Рэкеты, а затем и некоторые из соседей пробирались завалами, чтобы лучше разглядеть невиданное чудище. Приближаться остерегались.

Весть о возвращении Лэна Воклота, того самого, который поймал и приволок в Город чарку, что послужило причиной для последующей цепочки кровавых событий, Лэна Воклота, вернувшегося на этот раз на каком-то невиданном механическом монстре, по-видимому, оружия Предков, которое ему удалось отыскать, с одного выстрела

уничтожившего Дом Рэкетов вместе с его хозяевами и теперь намеревающегося сделать то же самое с остальными жителями Города, быстро облетела, обрастая новыми подробностями, раз от раза ужаснее, весь Город. Всю ночь Город не спал, лихорадочно готовясь к обороне. Одни спешно вооружались, собираясь подороже продать свои жизни. Другие торопливо собирали в котомки и узлы свои нехитрые пожитки, чтобы покинуть Город и бежать, куда глаза глядят. Третьи спорили до хрипоты, решая, что делать — сражаться, бежать или сдаться на милость победителя.

Утром по Городу разнеслась весть — Лэн Воклот приглашает Глав всех Семей на переговоры. Немногие отцы Семейств согласились бы явиться на такое приглашение и тем самым отдаться на милость врагу. Но выхода не было. За приглашением, которое вернее можно было назвать приказом, стояло оружие Предком. Неявившегося ждало, по всей видимости, та же участь, что постигла Рэкетов. Поэтому ближе к обеду на почтительном расстоянии от танкетки собралась группа людей, тревожно переговаривающихся между собой. Хотя все были вооружены, но бывшие распри на время позабылись. Взгляды бывших соперников были нацелены на внушающую страх своей неподвижностью машину. Руки готовы выхватить оружие и направить его на бронированное чудовище.

Наконец, внутри машины что-то заскрежетало. Откинулась крышка, и из образовавшегося отверстия показался человек. Это был Лэн Воклот, хотя узнать его было невозможно. Без бороды, в чистой, аккуратной и необычной одежде. Не в пример обычным лохмотьям горожан. В руке его был странный предмет, похожий очертаниями на ружье старого Воклота.

Толпа подалась назад. Лэн отложил оружие в сторону и поднял руки, показывая свои мирные намерения. Настороженно следя за ним, люди медленно приблизились. Лэн оглядел сверху это жалкое сборище, этих заросших, нечесаных людей с изможденными звериными лицами, в оборванной одежде. Совсем недавно он выглядел точно так же. Он мог дать им сейчас нечто большее, чем одежду и еду. Но поймут ли они его? Пойдут ли за ним?

— Я — Лэн Воклот, — начал он. — Я вернулся.

— Зачем? — прервал его злобного вида мужчина. — Зачем ты вернулся? Чтобы опять сеять смуту среди нас? Чтобы отдать нас чаркам?

— Ты кто? — спросил Лэн, сдерживая себя, чтобы не сорваться.

— Я — Севр! — выпятил тот грудь. — Я уничтожил Рэкетов. Я навел в Городе порядок. А теперь опять появляешься ты и снова несешь с собой кровь и смерть. Уходи! Ты нам не нужен.

— Севр?! — зло усмехнулся Лэн. — Не тот ли самый, который поработил другие Семьи? Не от твоих ли рук погибают сейчас горожане, не желающие подчиниться тебе? Ты метишь на место Рэкета и ради этого готов уничтожить пол-города. А я тебе могу помешать, не так ли?

— Нет! — рявкнул Севр. — Я только восстанавливаю то, что когда-то порушил ты. Если ты останешься, то порядка не будет. Уходи!

— Я уйду, — ответил Лэн, — но уйду не один. Люди! Братья! — обратился он к горожанам. — Вы не задумывались над тем, что наша жизнь в том виде, в каком мы существуем, бессмысленна? Нас преследует голод. Дома наши рушатся, погребая под собой наших братьев и сестер, родителей и детей. Нас становится все меньше и меньше. Мы вымираем. Наступит день, когда последний оставшийся в живых человек оглянется и поймет, что он — последний. Последний человек в Городе. Последний человек на Земле.

Подумайте об этом.

— Ну и черт с ней! — воскликнул кто-то. — Кому она нужна, такая жизнь!

— Нам она нужна. Нам. Детям нашим и внукам. Родившимся и тем, кто еще родится.

— Куда ты гнешь? — прервал его Севр. — Выкладывай начистоту. Никак хочешь нас к чаркам своим увести. Да он предатель! — обернулся Севр к окружающим. — Он хочет всех нас скормить чаркам. За это они дали ему оружие, еду и одежду. Не верьте ему. Он, чтобы выслужиться, готов всех нас под корень извести.

— Чарки, между прочим, — устало вздохнул Лэн, — такие же люди, как и мы. Только живут они в Океане. И они намного лучше нас. Они не убивают друг друга. Наоборот, они пытаются помочь выжить нам. Тем, кто живет на суше. А выжили они потому, что ушли жить в другое место. Я предлагаю вам тоже уйти из Города. Чтобы выжить.

— Куда? В Океан? — не унимался Севр.

— Нет. В Лес.

— В Лес? — зашевелились до сих пор молчавшие отцы Семей. — Но в Лесу нельзя жить. Это табу. Да и Леса на всех не хватит. После того, как Океан захватил Каньон, Леса мало осталось. Как там всех расселить? Где жить?

— Тот Лес, что вы знаете, — терпеливо стал разъяснять Лэн, — это всего лишь малая толика основного. Каньон уходит далеко-далеко. И там, дальше, Леса много. Хватит на всех и еще останется с избытком. Здесь мы стараемся беречь, не трогать оттого, что он мал. Там же он большой, такой огромный, что даже не заметит нас. Кстати, там живет много различных существ, и они не мешают Лесу. Не помешаем и мы, если будем жить с ним в ладу.

— Люди, не слушайте его! — крикнул опять Севр. — Он вас погубит. Мы испокон веков жили в Городе. Все, кто уходил, погибали. Погибнем и мы, если уйдем из Города. Нет, мы останемся здесь, — обратился он к Лэну. — Здесь наш дом. А ты уходи, иначе... — он вскинул копьё.

Лэн не зевал. В следующее мгновение дуло автомата, завораживающе покачиваясь, уставилось на Севра. Потекли томительные секунды, в течение которых противники медлили пустить в ход оружие. Наконец Лэн опустил автомат.

— Я пришел сюда не за тем, чтобы убивать, — процедил он. — Я пришел, чтобы позвать вас в новую жизнь. Кто не хочет, тот пусть уходит. Кто интересуется моим предложением, — оставайтесь, поговорим.

Севр, сплюнув, опустил копьё, зыркнул злым взглядом по толпе, рывкнул «пошли отсюда!» и пошел прочь. За ним, нехотя последовало несколько человек. Но далеко им уйти не удалось. Взбешенный тем, что большинство осталось, и, чувствуя, как ускользает с появлением этого недобитого выскочки Воклота власть из его рук, Севр шел, не глядя под ноги. Черная плешь, безуспешно глодавшая ночью металлические траки и почуявшая скопление пищи, оказалась на его пути. Исход был предрешен. Люди, увидев медленно погружающегося в землю Севра, оскалившегося в последней улыбке, бросились врассыпную. Одни прыгали на завалы, другие, забыв о былом страхе, карабкались на танкетку.

Лэн, сжав в руках автомат, следил, чертыхаясь, за плешью. Не вовремя она появилась. Сорвала переговоры.

Покончив с Севром, плешь двинулась к машине. Сидевшие на машине завопили. Двое или трое спрыгнули и помчались к завалам. Плешь, не обратив на них внимания, подобралась к танкетке. От вида шевелящейся почвы у Лэна зашевелились волосы на голове.

Сейчас бы панер! Но Риит не доверила его Лэну. Забрала с собой. Хотя у него есть автомат. Возможно, он не хуже панера. Пересилив страх, Лэн поднял автомат. От грохота у всех заложило уши. Фонтанчики пыли взвивались в тех местах, куда попадали пули, вместе с пылью летели черные ошметки. Земля заходила ходуном. Плешь стала уходить. Злые пули нагоняли и впивались в ее незащитное тело, вырывая куски плоти и причиняя неведомую ранее боль.

Неожиданно начавшись, грохот также внезапно кончился. В слепой ярости Лэн продолжал нажимать на гашетку, но автомат молчал. Опустел магазин. Радостные крики привели его в чувство. Вокруг бесновалась толпа, размахивая руками и улюлюкая. Плешь отступила!

Возможно, схватка с плешью сыграла решающую роль. Рухнула незримая стена отчуждения, отделявшая Лэна от земляков. Горожане обступили его. Завязался оживленный разговор. Вездесущая детвора, появившаяся откуда-то, облепила танкетку. Из развалин появлялись все новые и новые люди и присоединялись к ним.

Не один день ушел на сборы и подготовку к переселению. Лэн метался от Дома к Дому, от Семьи к Семье, терпеливо разъяснял, агитировал недоверчивых. Не все соглашались покинуть Город. Севры так те не только отказались напрямую, но угрозами и насилием принуждали другие Семьи к отказу. Не выдержав, Лэн еще раз применил свою пушку и снес ракетой полдома Севров. Те были вынуждены отказаться от методов шантажа и угроз и не препятствовать желающим отправиться с Лэном. Севров с их агрессивностью Лэн принуждать не стал. Лишние хлопоты на новом месте ему были ни к чему.

Наконец наступил тот день, когда из развалин Города выплеснулся живой поток и двинулся через голую выжженную степь. Впереди ехал на своей машине Лэн, очищая автоматными очередями дорогу от ненасытных плешей. Сзади к танкетке были прицеплены наспех сколоченные волокуши, нагруженные вещами горожан. За машиной следовали с котомками за плечами люди. Женщины вели за руку детей. Пастухи гнали стада овец и коз. Навсегда покинув Город, человеческий поток змейкой уходил к горизонту.

К вечеру сделали привал на краю Каньона. Лэн стоял на вершине склона, вслушиваясь в веселые крики, раздававшиеся в Лесу, еще маленькому в этой части Каньона. Полыхали первые костры, доносились запахи готовящейся на огне пищи. Горожане впервые забыли об экономии дерева. Что-то случилось с ними. За всю свою жизнь в Городе Лэн не помнил такой оживленности и жизнерадостности.

Он всмотрелся вдаль, где в серой дымке вздымались серые остовы зданий. Покинутый, мертвый Город. Он всему виной. Это он, Город, давил своими мертвыми полуразрушенными зданиями, сырыми стенами и холодными темными подвалами. Угнетал человеческие души. И вот они вырвались из его оков. Вырвались и ожили. Нет, неправы были Предки, предрекая человеку Город. Ему место не в Городе, а в Лесу, в степи, в Океане. Рядом с Природой. И в самой Природе. Он вышел из нее и в нее должен вернуться. Как чарки. Как Риит... Где ты сейчас, Риит? Встретимся ли мы когда-нибудь с тобой? Встретимся, я это знаю! Я сделал шаг навстречу тебе, я вошел в Природу. Шаг к тебе. Первый шаг!

Больше книг на сайте - Knigolub.net